

ТАЗЕТА ШЕБУЕВА

№ 17 СОДЕРЖАНИЕ:

МАСКАРАДЪ — СТИХОТВОРЕНІЕ В. ТРОФИМОВА. — БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ. РАЗСКАЗЪ Н. ГЕОРГІЕВИЧА. — ГИМНАЗИСТЪ ПОЧТИ СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ Н. ШЕБУЕВА. — СТЕПАНЪ МЕРТВЕЦКІЙ. СТРАШНО СТРАШНЫЙ РАЗСКАЗЪ ГРАФА БЕНГАЛЬСКАГО. — ЛУЧШІЙ НОВОГОДНІЙ РАЗСКАЗЪ. О. ДЫМОВА. — БАЛАГАНЧИКИ. Н. ШЕБУЕВА. — О ГИМНѢ. В. СЕНИЛОВА. — СМІРНОВКА ДОБРАГО ДУХА. — КВАРТИРОЛОГІЯ. ОХОТА ЗА КВАРТИРАМИ. — АНКЕТА. РИСУНКИ Н. ГЕРАРДОВА И Н. РЕМИЗОВА.

МАСКАРАДЪ.

Годъ кровавый, годъ кровавый,
Годъ, покрытый страшною славой,
Годъ—какъ хищный дикій звѣрь,
Изгнанъ былъ за дверь...

Уходя, онъ улыбнулся,
За порогъ слегка запнулся,
И, хитро прищуривъ глаза,
Посмотрѣлъ на насъ...

Кто-то будетъ, кто-то будетъ,
Кто взамѣнъ его прибудетъ?!
Принесетъ ли тотъ любовь,
Или снова кровь?!

Ожидать пришлось немного...
Чу! стучатся у порога...
— «Кто за дверью?» «Это я
— Къ вамъ стучусь, друзья!»

Голосъ—будто бы знакомый...
Любопытствомъ я влекомый,
Растворилъ любезно дверь:
Кто войдетъ теперь?!

Годъ кровавый, годъ кровавый,
Годъ, покрытый страшною славой,
Лишь накинувъ плащъ иной,
Всталъ передо мной...

Онъ вошелъ, и улыбнулся,
На порогъ не запнулся,
— «Новый годъ, мои друзья,
Это—снова я!»

В. ТРОФИМОВЪ.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ.

Я получилъ сегодня письмо.
Почеркъ незнакомый.
Листъ бумаги страшно смятый.
Будто его нарочно комкали, жевали.
Такія письма обыкновенно получаютъ
отъ политическихъ заключенныхъ,—вѣдь
для того, чтобы записку передать по-
тихоньку отъ жандарма ее, слѣдуетъ за-
катать въ маленький, маленький шарикъ.
Я развернулъ письмо.

Ну, такъ и есть,—это отъ политическаго арестанта.
Пишетъ кто-то изъ «Крестовъ», потому что внизу приписка—поклонъ отъ Герценштейна, Барона и Кривошеина. Моихъ товарищей по крѣпостному сидѣнію,—моихъ сорезимниковъ
«Простите, что беру на себя смѣлость обратиться къ вамъ, не будучи вовсе знакомымъ. Но случай привелъ меня въ ту самую камеру, въ которой сидѣли вы, когда были еще за Охраннымъ Отдѣленіемъ.

Я—Новый Годъ.
Я только что прѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ, какъ былъ арестованъ и препровожденъ въ «Кресты». Произошло это въ высшей степени просто и, въ высшей степени нелѣпо. Остановился я у Старого Года. Мнѣ не хотѣлось сразу брать квартиры, хотѣлось ориентироваться. Боялся, какъ бы не попасть въ тотъ

участокъ, гдѣ царствуетъ приставъ Барачъ.

О немъ я еще за границей слышался. Какъ прѣхалъ къ Старому Году, хотѣлъ прописаться въ участкѣ.

Да Старый отговорилъ:
— Будешь легализоваться, за одно ужъ и пропишешься.

— Я еще подумаю, легализоваться ли мнѣ вообще.

— Ну, по нынѣшнимъ временамъ не легализованнымъ быть нельзя. Вотъ я прожилъ 365 дней нелегализованнымъ калетомъ. И всѣ 365 дней дрожалъ. И теперь дрожу.

Послушался я Старого и погодилъ прописываться.

Какъ вдругъ ночью съ 31 на первое часовъ въ одиннадцать на лѣстницѣ толпанье дворянскихъ ногъ и гогоръ полицейскихъ голосовъ.

— Съ обыскомъ пришли!...
Нашли у Старого много компромети-

рующихъ бумагъ, указывающихъ его участие въ подготовленіи убійства военнаго прокурора Павлова.

Его забрали.
И меня, какъ безприсочнаго.
Еще бы, изъ-за границы прѣхалъ!
Ужъ это одно страшно подозрительно!
Забрали и засадили въ «Кресты».

И никто въ Россіи не знаетъ, что я вотъ уже третьи сутки здѣсь сижу.

Никто не замѣтилъ моего отсутствія. Всѣ пили шампанское, пили кровь, чокались, вѣшались, поздравляли другъ друга съ Новымъ Годомъ...

Совсѣмъ какъ въ прошломъ году!
Извѣстите, Бога ради, господинъ Шебуевъ, моихъ поклонниковъ, гдѣ я и что со мной.

Добейтесь свиданія со мной.
Я увѣренъ, что меня скоро выпустятъ, потому, что я ничуть не причастенъ ни къ Павлову, ни къ Охтенскимъ, ни къ Василесгровскимъ Фортъ-Шароляямъ!

Скоро... Но что значить скоро:
Быть можетъ, это завтра быть можетъ черезъ мѣсяцъ.

До сихъ поръ меня ни разу еще не вызывали даже на допросъ!

Напечатайте объ этомъ.
Авось тѣ, кому сіе вѣдать надлежитъ, примутъ къ свѣдѣнію.

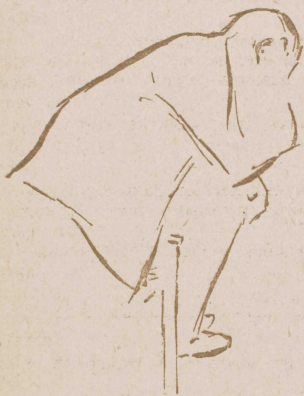
Объясните, что я во всякомъ случаѣ, понимаюте ли, во всякомъ случаѣ къ 20 февраля долженъ быть на свободѣ!

До думы можно обойтись вовсе безъ меня, но во и по—немыслимо.

Объясните, что я мечтаю легализоваться: хотя сдѣлаться октябристомъ, мирнообновленцемъ, истинно-русскимъ, чѣмъ хотите... Только дайте мнѣ свободу!

Хотя бы истинно-русскую!
1907 годъ.
Исполняю желаніе Нового Года.
Печатаю его письмо.
Хотя и увѣренъ въ бесполезности этого.
Н. ГЕОРГІЕВИЧЪ.

ГИМНАЗИСТЪ.

Да, Коля—гимназистъ. Онъ только въ третьемъ классѣ, но онъ совсѣмъ большой и, какъ большой, влюбленъ. Взгляните на него: въ веселой этой массѣ Ликующихъ гостей печаленъ только онъ. И блѣдный и нѣмой, стоитъ онъ у рояли, Скрестивъ, какъ Бонапартъ, ручки на груди, И взоръ вперяетъ въ даль... И слышитъ онъ едва ли Влекущій къ танцамъ вальсъ, вальсъ модный Лабади. Рыдаетъ и поетъ, и плачетъ, и хохочетъ, И дразнить, и зоветь причудливый мотивъ... Но Коля танцовать совсѣмъ, совсѣмъ не хочетъ: Онъ въ думу погруженъ. Невольно загрустивъ, Онъ вспомнилъ, какъ «она», его голубка Катя Сурово обошлась съ нимъ на каткѣ вчера. Какъ онъ тогда стерпѣлъ и лишнихъ словъ не тратя, Ушелъ къ себѣ домой... Всю ночь до утра Продумалъ напролетъ, то какъ дѣвчонка, плача, То проклиная мѣръ, презрѣнный родъ людской, О смерти думая... Да, эта неудача Такъ потрясла его.—«Сегодня же», съ тоской Рѣшилъ онъ—«кончу все... Сегодня на балу же «Я объяснюсь въ любви какъ слѣдуетъ, всерьезъ «И попрошу руки... Вѣдь, ждать въ молчаньи—хуже «И нестерпимѣ»... И вновь не въ силахъ слезъ Сдержатъ. А вальсъ гремитъ, гремитъ во всемъ разгарѣ, Аккорды понеслись, какъ всплески пьяныхъ волнъ. А вотъ «она»... «она»... опять съ Поповымъ въ парѣ. И Коля смотреть вслѣдъ. Какимъ восторгомъ полна Поповъ,—презрѣнной трусъ, и ябеда, и жила, Подлиза, выскочка, противная лѣвша... А Катя какъ милад! изящно положила Попову на плечо рученку. Хороша Сегодня на балу она, какъ утро мая, И цвѣтъ ея волосъ такъ нѣженъ, блѣнокурь... О, что бы Коля далъ, чтобъ, страстно обнимая, По залѣ сдѣлать съ ней хотя единый туръ...

Но... Коля не вальсеръ. Кадриль — другое дѣло— Танцуетъ съ «нею» онъ. О, скоро-ль вальсъ пройдетъ! И Коля передъ «ней» раскроетъ душу смѣло, На роковой вопросъ отвѣтъ у ней найдетъ... А пары все кружатъ. Мелькаютъ банты, ленты, И кружева, и тюль, и шелестящій шелкъ... Слова случайныхъ встрѣчъ мелькаютъ... Съ аккордами сплелись... Но вотъ таперъ замолкъ, И все оборвалось... Кружиться перестали Танцоровъ парочки. Раскрылись вѣтра, Какъ крылья мотыльковъ они затрепетали... Всѣмъ душно, жарко всѣмъ... Пора теперь, Тебѣ къ «ней» подойти, сказать хотя два слова. Но нѣтъ... ты такъ смущенъ, къ рояли какъ приторъ, Глядишь и видишь съ «ней» опять, опять Попова: Ломаясь, вынулъ онъ предъ ней портпapi-рося... Вотъ съ ней раскланялся... идти въ курилку хочеть... Нагнулся... на ухо не знаю, что, шепнулъ... И Катя слушаетъ... довольна и хохочетъ. Но вотъ раздался вновь знакомый въ залѣ гулъ,— Идутъ... сюда идутъ... Задвигались стулья... Кадриль готовится. Тотъ ищетъ визави, Тотъ дамы не нашель.—«Васъ пригласить могу ль я на контрдансъ?»—Merci! —«Голубчикъ, позови Петровскаго?»— Онъ гдѣ? — «Да къ пиву присоался Въ курилкѣ»...—Ну тогда его не отдерешь! —«Да какъ же!.. значить, я безъ визави оался!» —«А вы танцуете?» — «Ахъ, Коля!.. какъ живешь?» «Ты что наморщился, какъ проглотилъ лягушку?» «Танцуешь?» Съ кѣмъ?... А... съ Катей... молодецъ!..» — А ты ужъ пригласилъ?—«Да, такъ, одну толстушку... «Не знаю имени... Для любящихъ сердець «Что имя—звукъ пустой!.. Вотъ въ розовомъ одѣта... «Пора и дамъ тащить... Ты слышишь «à vos places!» «Горланить дирижеръ, а это ужъ примѣта, «Что черезъ пять минутъ начнется самый плясъ!..» Пора, совсѣмъ пора. О, какъ сердечко бьется Въ классической груди: идти, или не идти. Вонъ-Катя... Видитъ онъ,—она опять смѣется, Ей весело, легко... А Колѣ?—на пути Какъ будто выросла какая-то преграда, Кака-то стѣна. Но вотъ, ее словамъ, Онъ къ Катѣ подошелъ—«Вы, Коля?.. Очень рада... «Я думала, что вы... забыли... Вотъ неправъ «Поповъ Иванъ Ильичъ... сказалъ, что вы съ Казновой «Танцуете кадрили»...—Поповъ—презрѣнный лжецъ! Я отомщу ему... Онъ съ каждой сплетней новой Нахальнѣй и подлѣй... Сегодня, наконецъ, Онъ это выдумалъ, чтобъ насъ посорить съ вами: Чтотъ я о васъ забылъ! Чтотъ я о васъ забылъ! Возможно-ль передать обычными словами Всю гнусность этой лжи!..—«Прошу, умѣрьте пылъ, «Поповъ не глунъ... и я, признаться откровенно, «Подумала сама, что на каткѣ вчера Вы сильно на меня надулись... несомнѣнно «За мой отвѣтъ... Но... Впрочемъ, намъ пора «Садитесь на мѣста. Оставимъ пикировку... «Давайте руку мнѣ... Что было, то—прошло... «Забудемъ о каткѣ!!!» И, наклонивъ головуку,

Кокетливо въ лицо взглянула. Все то зло, Что причинилъ Поповъ, что сердце такъ щемило, Мгновенно позабылъ счастливецъ-гимназистъ. И вотъ они идутъ, она—щебечетъ мило. О чемъ? да все равно, о чемъ. Какъ ясенъ, чистъ Ея прелестный взоръ! какъ голосочекъ нѣженъ, Какъ локонъ блѣнокуръ, упавшій на плечо. Цвѣтъ платья ея такъ свѣтлъ и блѣло-снѣженъ, Какъ ландышъ—снѣга сынъ. То жгуче горячо, То жгуче холодно на сердцѣ кавалера. Весь залъ они прошли подъ-ручку. Вотъ и стулъ, Который онъ припасъ. А вотъ Смирнова Вѣра Съ Семеновымъ сидятъ, —ихъ визави. А гулъ Кругомъ растетъ, растетъ. Особенно неистовъ Сегодня дирижеръ: «плю вить, месье, плю вить!» Но всѣ ужъ на мѣстахъ. Мундиры гимназистовъ Сверкаютъ серебромъ. Какой эффектный видъ! Какъ милы барышни, какъ кавалеры горды... Шебечутъ, шепчутся. Раздался ретурнель, Вприпрыжку понеслись веселые аккорды, Стаккато зазвенѣвъ, распалось какъ шрапнель, Разсыпались кругомъ блестящія рулады, И трели полились, отъ страсти трепеща... — «Что съ вами?.. Вы блѣдны!.. Какъ странно ваши взгляды?» Спросила Катя вдругъ.—«Нѣтъ!.. Да!.. отвѣтъ ища, Ей Коля прошепталъ: «я боленъ вами, вами... «О, Катя, я—влюбленъ... Я васъ люблю одну... «Не смѣйтесь надо мной!.. Такими ли словами Мечталъ нашъ гимназистъ излить всю глупину, Всю ширь и мощь любви, все пламя страсти жгучей. Но нѣмъ его языкъ и словъ для страсти нѣтъ: Обрывки разныхъ фразъ безсвязныхъ, странной кучей Тѣснятся въ головѣ. А что-жъ ему въ отвѣтъ Промолвила «она»?—Намъ начинать!.. не спите... «Впередъ!.. passons, passons!.. шень просто!.. balancel!.. «Les cavaliers avant... впередъ, впередъ идите... «Теперь турнэ назадъ... Passons... assez, assez!» Она, она его насмѣшкой тонкой мучитъ; Признанью пылкому значенья не придавъ, Какъ мальчика, его фигурѣ первой учитъ... Или забавляется. Но нѣтъ, не для забавы Явился онъ сюда. За этой же кадрилию Итоги подвести онъ долженъ съ «нею» всѣ. Онъ взорванъ, онъ взбѣшенъ! пришелъ ко- нецъ безсилью: Онъ знаетъ, что сказать и скажетъ.— «Balancez!».. Звучитъ въ его ухахъ команда дирижера: Онъ знаетъ, что сказать, и сыплеть скоро, скоро Признанія слова. Онъ любитъ съ давнихъ поръ... Его слова—не бредъ минутнаго каприза, Онъ любитъ въ первый разъ... рѣшительный отвѣтъ Онъ въ правѣ требовать (—Синельникова Лиза Была «влечениемъ», но не любовью, нѣтъ!..) Онъ любитъ, какъ большой, и, лишнихъ словъ не тратя, Ей задаетъ вопросъ: согласны ль быть женой? Согласна-ль стать его подругой жизни Катя? Согласна-ль дать покой его душѣ больной? Со свадьбой подождать придется, Коля знаетъ:

Съ понятаемъ «гимназистъ» «супругъ» не-совмѣстимъ. Онъ лѣтъ чрезъ пять, чрезъ шесть гимназію кончаетъ, И женится тогда. Студентамъ допустимъ. Хотя съ курса перваго законный бракъ. Вонъ дядя Семень чуть поступилъ въ студенты—и женатъ. И Коля женится. И по желанью глядя, Дорогу выберетъ: онъ будетъ адвокатъ, Учитель, инженеръ иль докторъ, иль писа-тель... Для Коли все равно,—открыты всѣ пути. Онъ лучший выберетъ изъ нихъ, ему ли, Катѣ ль, Который по душѣ придетъ. Завести Онъ думаетъ коней, сперва хотя бы пару, Прекрасныхъ, воронихъ, а въ кучера На-заръ. Пойти согласье даль... Нѣтъ, кажется, На-зару Не справиться съ двумя конями,—слишкомъ старъ... Придется старика, пожалуй-что, обидѣть, А такъ бѣднягу жаль. Не лучше ль взять Оому? Хотя запиваетъ онъ... Да нужно все пред-видѣть...

Какъ думаетъ «она»? Вопроса одному Ему не разрѣшитъ и въ общемъ «слишкомъ смѣло Рѣшать судьбу дугихъ—Назара и Оомы, Пока моя судьба...» А Катя посмотрѣла Съ улыбкой ледяной: «Совсѣмъ не пара мы... «Вы—дѣточка совсѣмъ!.. За васъ не выйду замужъ... «Вы курите»? Увы! Что скажете онъ въ отвѣтъ! — «Да, вы не курите... я вижу по глазамъ ужъ... «И не курите... дѣткамъ сильный, сильный вредъ «Отъ табака... онъ—бя»...—Ахъ, Катя, что Да я совсѣмъ большой!.. Я пробовалъ ку-рить Три раза... но не смогъ... не смогъ сдер-жать тошноты... Не въ силахъ...—«Ну, а я не въ силахъ васъ любить... «Вамъ, Коля, начинать... Не спугайте фи-гуры... «Les cavaliers commencent... Passez... et à vos dames!.. «Ну, что вы... развѣ такъ?.. Совсѣмъ про-стые туры, «А вы напутали... Смотрите, слово дамъ «Не танцевать вовѣкъ кадрили больше съ вами...

«Живѣй!.. не хмуриться!.. И Коля, какъ въ чаду, Выдѣлываетъ рас... Возможно ли словами Весь адъ его души раскрыты! Нѣтъ, не найду Я мрачныхъ словъ такихъ. Звучитъ рояль рыдая, Какой-то скорбный флеръ накинула педалъ На все, на все, на все... Разбита молодая Любовь, разбита жизнь... Мотивъ несется въ даль, Теряется въ дали, какъ въ дымѣ папироски, Тоскуетъ и щемитъ... Но вотъ другой мо-тивъ Навстрѣчувынрнуть... Замолкли отголоски Минорныхъ, грустныхъ темъ. Мажоръ, все поглотивъ, Разлился какъ приборъ. Серебрянымъ стек-като, И яркимъ хохотомъ смѣющихся, руладъ И трелей трепетомъ все въ новы кругомъ обятаю. Ликуетъ все вокругъ. А въ сердцѣ Коли—адъ. Курить иль не курить? О, вотъ вопросъ Гамлета, Курить иль не курить?—мучительный вопросъ. И въ сердцѣ у него звучитъ въ отвѣтъ на это: —«Сегодня-жъ утащу у папы папиросы!»

СТЕПАНЪ МЕРТВЕЦКІЙ.

Страшно страшный рассказъ.

Новогодний рассказъ долженъ быть непременно страшнымъ. А возможно ли теперь рассказать что-нибудь страшное, когда, въ сущности говоря, все самое страшное уже рассказывають ежедневно телеграфъ и телефонъ.

Читатели такъ закалены, что слова «висѣлица», «трупъ», «раскroенный черепъ» и т. п. кажутся имъ совсѣмъ комматными словами.

Салонный лексиконъ. А годъ тому назадъ тѣ же самыя слова производили самое сильное, потрясающее впечатлѣніе.

Вотъ тогда рождественскимъ рассказамъ было разлолье.

Можно привыкнуть къ какому угодно яду,—стоитъ только его принимать ежe-годно.

Такъ вотъ и мы всѣ,—современное общество,—привыкли до того къ трупному яду, что онъ на насъ не дѣйствуетъ.

Не заражаетъ. Трупомъ читателя не запугаешь, при-виднѣишь и еще меньше.

Чортъ сталъ опереточнымъ типомъ. Словомъ, съ какой стороны ни походи-ди,—ничего страшнаго нѣтъ и не мо-жетъ быть.

Но я все-таки попробую вамъ расска-затъ настолько страшную исторію, на какую только способенъ.

Дѣло было въ мои студенческіе годы. Были у насъ въ университетѣ два сторожа Степана.

Степанъ Чистый и Степанъ Мертвец-кій. По паспорту у нихъ, конечно, были другія фамиліи. Но мы ихъ не знали и не интересовались ими.

Псевдонимы же свои они получили отъ тѣхъ профессій, какимъ себя об-рекли.

Первый служилъ сторожемъ при ан-томическомъ музее и имѣлъ дѣло исключительно съ заспиртованными пре-паратами.

Подъ его вѣдомствомъ находилось громадное количество банокъ всякаго типа и калибра, въ которыхъ плавали въ старину отрѣзанныя адъ маюемъ dis-сѣрпнае gloriati руки, ноги, сердца, печенки, селезенки и тому подобные пред-меты человеческого обихода.

Подъ вѣдомствомъ же Степана Мер-твецкаго находилась мертвецкая и ана-томическій кабинетъ.

Какъ въ парижскомъ моргѣ, въ длин-ной узкой комнатѣ всегда хранилось нѣсколько полуразложившихся труповъ.

Они ждали своей очереди попасть на препараточный столъ къ студентамъ. По нимъ, какъ по страницамъ вели-кой книги, молодые люди должны были читать.

О тайнахъ бытія по книгѣ небытія. Степанъ Мертвецкій, конечно, смот-рѣлъ на трупы вовсе не съ философ-ской или медицинской точки зрѣнія. Для него это было просто «казенное имущество», принятое имъ подъ рос-писку.

Но вѣчная близость къ мертвымъ тѣ-ламъ выработала у него какую-то без-заботную суровость шекспировскаго ге-мильщика. Онъ былъ не прочь побалагу-рить по поводу слишкомъ раздуваемаго живота его клиента, скончавшагося отъ водянки.

Или по поводу слезящагося, подупри-щуреннаго глаза челоуѣка, замерзшаго на улицѣ.

Или по поводу фривольной позы про-ститутки.

Или по поводу высунутаго языка субъекта, окончившаго жизнь на ве-ревкѣ.

— Поздно, сударь, дразниться! Вотъ мы изъ тебя сдѣлаемъ наливку, такъ ты узнаешь, куда попалъ!

Наливкой Степанъ Мертвецкій назыв-валъ имущество, ввѣренное попечению Степана Чистаго.

На этой почвѣ между двумя Степа-нами и была дружба.

Оба они иногда превращались въ Сте-пановъ Мертвецкихъ, мертвецки напи-вались спиртомъ изъ-подъ препаратовъ.

Неужели для васъ новость, читатель, что университетскіе сторожа пьютъ спиртъ изъ подъ заспиртованныхъ ручекъ, ножекъ, сердецъ, печенокъ, по-чекъ, селезенокъ и т. п., и т. п.

У Степановъ для ихъ своеобразныхъ наливокъ даже названія особая были придуманы.

Особеннымъ вниманіемъ пользовалась наливка «сердечная», настоенная на ги-пертрофированномъ сердцѣ женщины.

Степану Мертвецкому она помогала отъ ревматизма.

Во всѣхъ другихъ банкахъ спиртъ «усыхалъ» равномерно.

А въ этой—всегда быстро.

Профессоръ зналъ, конечно, о сквер-ной привычкѣ Степановъ, но смотрѣлъ на нее сквозь пальцы.

Онъ зналъ, что всѣ студенческіе сто-рожа поступаютъ такъ же. Развѣ можно уберечься, когда находи-тся вокругъ спиртъ самой высшей марки.

Вѣдь, пьяницы пьютъ спиртъ даже денатурированный.

торію блѣдный, трепещущій, рыдающій. Реветь: — Господа студенты! Господа студен-ты!.. Снимите съ души тяжесть!.. Тошно, охъ, тошно!..

Бьетъ себя кулакомъ въ грудь: — Не жалецъ я, окаанный, на этомъ свѣтѣ!.. Нераскаянный грѣхъ! Его и попу не высажешы!.. Такъ съ нимъ и сложеншы!.. Окаянный я, окаанный!.. Ве-ревку мнѣ на шею!..

Окружили мы Степана Чистаго: — Что съ тобой! Ты пьянъ!..

Еще пуще заливается: — Кабы пьянымъ быть, для меня бы счастье было... А теперь никакой хмѣль изъ башки моей этого окаанства не вы-шибетъ... Господи, о Господи!.. Что мнѣ дѣлать. Пожалуйте хоть вы собаку. Хуже собаки я... Собака этого не сдѣлаеть... — Да говори толкомъ. Отъ тебя вод-кой разить, а говоришь—не пьянъ.

— Впрямъ былъ пьянъ... Не водкой это, а спиртомъ. А какъ онъ меня на это дѣло наголкнулъ, такъ всю пьянь изъ башки выбилъ... — Кто онъ?..

— Да Степанъ... Степанъ окаанный!.. — На какое дѣло?..

Тутъ Степанъ Чистый какъ-то осѣлъ и глухо, славлено прохрипѣлъ: — Степанъ!.. меня... угостить!.. — Чѣмъ?..

Голосъ сталъ совсѣмъ замогильнымъ. — Женщиной... Мы не понимали.

— Въ мертвецкой!.. Тогда у меня мелькнула адская до-гадка: Трупомъ женщины!..

Въ отвѣтъ онъ билъ себя въ грудь и проклиналъ, проклиналъ, проклиналъ... Омерзительная, страшная истина вста-вала во всей наготѣ.

За трупную водку Степанъ Мертвец-кій отплатилъ Степану Чистому трупной женщиной.

Никто не догадывался, что Степанъ Мертвецкій некрофилъ.

Позвольте, вы опять зѣваете, чита-тель.

Неужели васъ ни чуточки не расшеви-лить мой рассказъ.

Неужели не кажется вамъ страшнo, омерзительной выдуманная мной фигура Степана Мертвецкаго, всю жизнь прова-дывающаго среди труповъ, дышащаго труп-нымъ воздухомъ, лакомящагося труп-нымъ спиртомъ и предающагося оргіямъ трупной любви!..

Неужели это не самый страшный рас-сказъ изъ всѣхъ новѣйшихъ рассказовъ, которые появились въ этомъ году.

Вѣдь это страшнѣе «бездны». Это бездна бездны!.. Вы улыбаетесь... Ну, какъ вамъ не стыдно.

Вы хотѣ бы меня постѣснялись. Я употребилъ всѣ силы, чтобы обри-

совать героя самыми ужесными красками. А вы не ужасаетесь.

Ну, хрѣсто. Сейчас я сдѣлалъ Сте-пана Мертвецкаго еще некрофогомъ. Вы будете удовлетворены... Нѣтъ?..

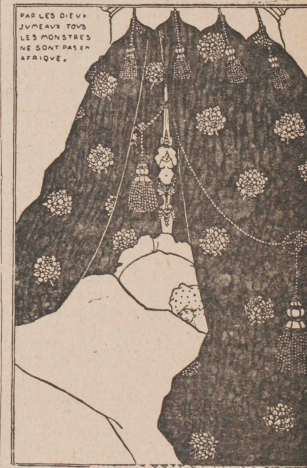
Что вы говорите?.. Вы говорите, что знаете десятокъ дру-гой некрофиловъ и некрофатовъ, поиче Степана Мертвецкаго!..

Не можете быть... Вы говорите, что можете ихъ даже по фамиліи назвать!..

Ради Бога, не надо! Ради Бога, не надо!.. Затворите двери, закройте заслонкой печной дымоходъ, и!..

И все-таки не надо!! Ради Бога, не надо!.. Я отказываюсь отъ своего намѣренія рассказать вамъ страшный рассказъ.

Только ужъ и вы, ради Бога, помол-чите... Я заткнулъ уста... Я закрылъ глаза... Я умеръ... Ради Бога, не трогайте. Вѣдь васъ могутъ подслушать... Ради Бо...

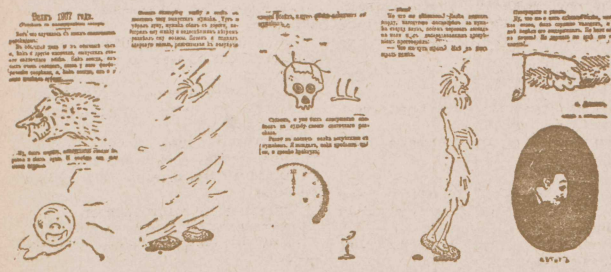

О НОВОГОДНИХЪ РАЗСКА-ЗАХЪ.

Лучшимъ новогоднимъ рассказомъ этого года оказался, какъ и слѣдовало ожидать, помѣщенный въ «Руси» рас-сказъ О. мла Дамова.

По трагизму юмора, сжатости и со-держательности онъ займетъ мѣсто въ ряду лучшихъ произведенийъ даровитаго молодого писателя.

Воспроизвожу здѣсь его съ иллюстра-циями самого автора.

БАЛАГАНЫ.

У Комиссаржевской — Балаганчикъ Блока.

В Маломъ театрѣ—балаганъ, названный—«Потѣшномъ маскардомъ».

Въ прекрасномъ помѣщеніи на Коношенной «Вулия». Весело.

Особенно весело было на «потѣшномъ маскардѣ».

Заслуженный артистъ Императорскихъ театровъ, предѣлатель кружка любителей драматическихъ художниковъ Константинъ Александровичъ Варламовъ леталъ по воздуху на веревкѣ, изображая Красную Шапочку, для каковой цѣли былъ наряженъ въ дѣтское платьице, называя заслуженнаго артиста Императорскихъ театровъ, профессора курсовъ при театральномъ училищѣ, Владиміра Николаевича Давыдова, одѣтаго громомъ, громомъ.

Не «громомъ», а «громомъ». Не правда ли, какъ смѣшно!

Летать на веревкѣ!.. Ха-ха-ха!.. Артистъ Императорскихъ театровъ... Ха-ха-ха!.. Вотъ умора!..

А г-жа Эдуардова изображала волка и сѣбла бабушку и заслуженнаго артиста Императорской драмы К. А. Варламова. Потомъ г-жѣ Эдуардовой распоролъ брюхо... охъ, не могу, какъ уморительно... и вынулъ изъ него заслуженнаго артиста Императорскихъ театровъ К. А. Варламова... Ахъ, какіе у него ужимки и прыжки!..

Какая пощечина нанесена г-номъ Варламовымъ и устроителями потѣшнаго маскарала русской публикѣ!

Они рѣшили: — Русская публика такъ некультурна, такъ невѣжественна и глупа, что ей угодить можно только такимъ образомъ: заставить Варламова ѣсть живыхъ голубей, летать по воздуху, кричать осломъ, играть Красную Шапочку и называть Давыдова громомъ.

Ахъ, какъ нужно не уважать русскую публику, чтобы назначать такіе цѣны и такую программу!

— Скорѣе будетъ полный! Вотъ вы увидите! Еще бы... Варламовъ летаетъ... и громъ... Невозможно не пойти.

И скорѣе былъ полный. Публика собралась, чтобы жестоко отомстить господамъ Варламовымъ за издѣтельство надъ нею.

Собралась, и угрюмымъ молчаніемъ, удивленнымъ пожиманіемъ плечами, глухимъ шопотомъ негодованія (—да, я видѣлъ десятки возмущенныхъ до глубины души лицъ!) отвѣтила на ужимки и прыжки господъ Варламовыхъ.

— Мнѣ стыдно за артистовъ,—слышалось тамъ и тутъ.—Стыдно за стѣны театра. Стыдно за себя, что пришла!..

Раздавалось тамъ и тутъ. И дѣйствительно, было стыдно.

Какія-то отдѣльныя единицы пытались смѣяться «громомъ» Варламова.

Но ихъ смѣхъ казался провокаціей. Публика была такъ угрюмо настроена, что окидывала такихъ провокаторовъ сокрушающими взорами.

И мнѣ было радостно за публику. Даже у этой ложенной публики, которой не жалъ было за входной билетъ заплатить 6—8 рублей, даже у нея нашлись слова возмущенія, несмотря на марку, подва которой имъ подали зрѣлище.

А форменная марка гласитъ: «Артисты Императорскихъ театровъ»...

Мнѣ говорили, что К. А. Варламовъ возмущенъ Лидвалемъ:

— У него просили хлѣба, а онъ предложилъ урны. Даже не избирательныя. А самъ-то г. Варламовъ далеко ли ушелъ отъ Лидваля.

У него просили веселья, а онъ даль... «громъ»...

Стыдно сказать, что дагъ г. Варламовъ вмѣсто благотворительнаго веселья.

На днѣ морскомъ, во мглѣ зеленой, Блуждаютъ сныи рыбу нѣмыхъ, И стебли травъ колышутъ сонно, Наряя въ черный сумракъ ихъ.

И солнца свѣтъ не озаряетъ Зелено-сумрачныхъ глубинъ, И бури шумъ не достигаетъ Подводныхъ дремлющихъ долинъ...

Зарывшись въ иль, морскія чуда Лежатъ, мечтая и дремля, И вверхъ, сквозь сонъ, глядятъ оттуда, Клешней иль усомъ шевеля...

Лишь съ высоты, навѣкъ прощаясь Съ снѣжнѣмъ солнечныхъ лучей, Несутся внизъ, ко дну, качаясь, Пловцы разбитыхъ кораблей.

На днѣ морскомъ—коралловъ гнѣзда Багрянымъ пурпуромъ горятъ, Ползутъ студениста звѣзда, Жемчужины въ ракушкахъ спятъ.

Тѣла ихъ травы обвиваютъ, По лицамъ змѣйки струй скользятъ, И долго чудъ морскихъ пугаетъ Ихъ мертвыхъ глазъ стеклянный взглядъ...

Тамъ жизнь тиха, какъ сонъ—чуждена, Никто не знаетъ въ шумной мглѣ Ни о прозрачности небесной, Ни о лунѣ, ни о землѣ.

ВЛ. ЛЕНСКИЙ.

АНКЕТА.

Проектъ «Союза борьбы съ безразличностью» встрѣтилъ отчаянную критику.

Изъ многочисленныхъ оппонентовъ г-на Мертваго остановилось только на трехъ.

Во первыхъ—потому, что критиковать уставъ союза—задача слишкомъ благодарная.

Во вторыхъ—потому, что остальные критики лишь повторяютъ мысли здѣсь приведенныхъ писемъ.

«Я хочу сказать нѣсколько словъ по поводу статьи г-на Мертваго, помѣщенной въ 12-мъ номерѣ вашей газеты».

Во первыхъ, я нахожу невѣрнымъ ту мысль, что предложеніе въ проституціи опасно для общества, чѣмъ спросъ; во вторыхъ, то, что это предложеніе, въ противнѣспросу, «зидается на неестественномъ началѣ, а именно на голодѣ, нищетѣ». Если же становится на точку зрѣнія «естественнаго», то такое извращеніе половыхъ отношеній, какъ спросъ на проституцію, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть названо естественнымъ. Что же касается опасности предложенія для общества, то я изъ словъ г-на Мертваго не вижу, чтобъ она была больше опасности спроса. Въд какъ спросъ, такъ и предложеніе, являются неизбежными слѣдствіями капиталистическаго строя, который, увеличивая до крайности социальное неравенство, разрушаетъ семью и увеличиваетъ проституцію. И нельзя сказать, чтобы голодъ являлся единственной причиной предложенія; въ такой же степени, какъ и голодъ, если не въ большей, толкаютъ на проституцію и приманки цивилизаций, и блескъ большихъ городовъ, рождающія новыя потребности, которыхъ не удовлетворить скромнымъ заработкомъ честной труженицы. Немалую роль играетъ и женская резервная армія.

Мыслима ли на почвѣ капиталистическаго строя борьба съ его собственнымъ дѣйствіемъ—проституціей, дѣйствіемъ, которое этотъ строй постоянно поддерживаетъ? Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Итакъ, не входя въ подробности, я нахожу проектъ г-на Мертваго безопеленнымъ и безцѣльнымъ. Въ душнѣмъ случаѣ «союзъ» ожидаетъ участь различныхъ «обществъ трезвости» и тому подобныхъ паллативовъ.

Одно въ проектѣ г-на Мертваго ка-

жется мнѣ чрезвычайно важнымъ и осуществимымъ немедленно. Это борьба съ дѣтскимъ и юношескимъ развратомъ, со всевозможными половыми извращеніями. Необходимо распространить въ обществѣ, и среди учащейся молодежи въ особенности, какъ можно больше знаній по половому вопросу, нужно устраивать лекціи, чтенія, рефераты, нужно издавать книги и популярныя брошюры и организовывать врачебную помощь. И эту задачу долженъ взять на себя новый союзъ. Сообразно съ цѣлью, которую онъ себѣ поставилъ, измѣнится и его уставъ. Союзъ долженъ привлечь какъ можно больше учащейся молодежи; съ этой цѣлью, онъ завязетъ сношенія съ учебными заведениями, какъ средними, такъ и высшими. Въ этомъ дѣлѣ ему могутъ помочь родительскіе комитеты, существующіе при многихъ гимназіяхъ и училищахъ (последнее зависитъ, понятно, отъ состава род. ком.) и союзъ учителей. Преподаваніе половой гигиены въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній необходимо, но мнѣ кажется наивной мысль о немедленномъ введеніи такого предмета въ курсъ средней школы; такъ же странно звучитъ и желаніе г-на Мертваго, чтобъ учителя были людьми высокой нравственности, лояльными, любящими свое дѣло, «а не чиновниками съ клычкой воспитателя». (пар. 2 и 3 въ первомъ письмѣ.) Уже не къ «Ивану ли Мироничу» обратиться съ такимъ требованіемъ или къ министерству народнаго «просвѣщенія»? Это требованіе будетъ однимъ изъ важныхъ пунктовъ программы союза, но думать о его немедленномъ осуществленіи по меньшей мѣрѣ странно. Что касается надзора школьныхъ врачей за учащимися, это мѣра безусловно осуществимая немедленно, но она врядъ ли дастъ какіе нибудь результаты. Если даже отбросить въ сторону обычное холодное отношеніе школьныхъ врачей къ своему дѣлу, необходимо считаться съ психологіей оныхъ—учащихся. Тутъ необходимо отнѣгивать во первыхъ, естественное недовѣріе учащихся ко всему исходящему отъ школьнаго «начальства», а во вторыхъ, стыдъ (пускай ложный, но существующій у большинства) и боязнь огласки, которой трудно избѣжать, лечась у школьнаго врача. Поэтому я предложила, чтобъ союзъ имѣлъ своихъ врачей.

Таковы въ главныхъ чертахъ цѣль и уставъ союза; если моя мысль найдетъ сторонниковъ, можно будетъ разрабо-

тать уставъ и средства борьбы, дополнить программу и вообще яснѣе формулировать все, высказанное мною въ общихъ чертахъ: Е.в.

Нѣсколько иную аргументацію проводитъ Максъ Тз.

«Въ моемъ письмѣ «женщина—врачъ», выходя изъ того взгляда, что развратъ есть только лишь спутникъ настоящаго экономическаго строя, приходилъ къ выводу, что борьба съ нимъ, какъ съ чѣмъ-то самостоятельнымъ, бессмысленна».

Она, какъ я понялъ ея взглядъ изъ письма, бессмысленна, потому что фундаментъ этого явленія въ экономическомъ строѣ и потому нужно съ нимъ бороться, если не желать быть Донъ-Кихотомъ. Совершенно согласенъ съ ней, если только она понимаетъ слово развратъ, какъ необходимость продавать свое тѣло, свою любовь етс, т. е. проституцію. Я даже согласенъ былъ бы расширить это понятіе слова «развратъ», какъ вообще продажу одного человека въ томъ или другомъ видѣ другому.

Понимая это слово такъ, мы дѣйствительно должны признать, что онъ есть лишь спутникъ капиталистическаго общества и что съ нимъ бороться можно лишь тѣмъ же, чѣмъ и съ послѣднимъ.

Но не такъ понимала авторъ письма, подписанная женщиной-врачомъ. Она понимала это слово въ одномъ смыслѣ—и тогда, я думаю, она вдалась въ крайность, подводя слишкомъ многое подъ свою теорію. Это обыкновенное увлеченіе, съ которымъ теперь приходится очень часто встрѣчаться.

Конечно, праздно является однимъ изъ могущественныхъ условий, благоприятствующихъ развитію всякихъ отвлеченныхъ занятій.

Она благоприятствуетъ развитію поэзіи, искусства, вообще, науки етс—однимъ словомъ всего того, что для своего развитія требуетъ свободнаго отъ борьбы за «хлѣбъ насущный» времени, досуга.

Но отнюдь это не есть начало всѣхъ этихъ проявленій человѣческаго духа. Въдъ, я думаю, и «женщина-врачъ» согласна со мной, что не всякій праздный—уже поэтъ или художникъ.

Нужны еще дарованія и, что на мой взглядъ не менѣе важно, первый толчекъ.

Такъ же, я думаю, обстоитъ дѣло и съ тѣмъ проявленіемъ человѣческаго ду-

ха, которое васъ интересуетъ. Я говорю, конечно, о тѣхъ мучительныхъ половыхъ извращеніяхъ, которыя вы собрали подъ однимъ словомъ—«развратъ». По нѣкоторымъ я) причинямъ я не стану говорить о томъ, какъ я относился къ этому вопросу въ періодъ моего школьнаго возраста. Не сталъ бы излагать и своей точки зрѣнія на этотъ вопросъ, если бы «Анкета» появилась еще одно письмо, авторъ котораго подходилъ бы къ данному вопросу, какъ и я.

Я подхожу къ этому вопросу, конечно, съ той же точки зрѣнія, съ какой я подхожу къ каждому жизненному вопросу, ко всей жизни. Я смотрю на всѣ проявленія жизни отдѣльнаго лица, ставя это лицо для него въ центръ жизни. И такъ какъ «извращенія» доставляли муки тѣмъ, кто имъ предавался, то поэтому лишь это явленіе для нихъ гадко, и только потому лишь я, сочувствуя имъ (по тѣмъ или другимъ причинамъ), готовъ былъ бы такъ или иначе имъ помочь.

Я указалъ уже, что въ развитіи разврата, какъ и въ другой эволюціи человѣческаго духа, нужно считаться съ тремя фактами:

- 1) первый толчекъ;
- 2) способность даннаго субъекта эволюционировать въ этомъ направленіи, т. е. благоприятныя условія въ данномъ субъектѣ;
- 3) благоприятныя условія внѣ этого субъекта.

Вотъ 3 фактора, дающія начало и направляющія эту эволюцію, которая приводитъ и сама по себѣ есть «развратъ», интересующій васъ.

Проанализируемъ же ихъ теперь:

1-ый, это лишь толчекъ, почва для котораго разбросана въ жизни всѣздъ и всюду. И школа, и видъ ея, и поэзія и искусство, и товарищи и прислуга, и семья, и все, и вся жизнь—все всѣздъ можетъ дать первый толчекъ. Обернется же нѣтъ возможности. Нужно для этого поставить такія рамки въ жизни, которыя и будутъ искусственны и будутъ страшно стѣснительны и мало будутъ помогать. Последнее потому, что совсѣмъ обернется—значитъ уйти отъ жизни, и не только отъ теперешней жизни. Нѣтъ, всегда они будутъ, такъ какъ и Венера Милосская можетъ при наличности вторыхъ двухъ факторовъ сыграть ту же роль. Не нужно забы-

2) Причины личнаго характера.

Балаганчикъ

Да будет вамъ стыдно, господа Варламовы.

Вспомните, что вы живете на трудовые деньги тѣхъ самыхъ голодающихъ крестьянъ, которыхъ такъ благоудельствовало Лидвалъ.

Летайте, летайте, господа Варламовы. А мы посмотримъ, гдѣ вы сядете.

Изю всей программы (въ которой между прочимъ принимала участие и г-жа Гвоздецкая) мнѣ понравились только испанскіе танцы г-жи Потапенко.

Ея оригинальная фигура, лицо и прическа, ея экзотическіе жесты и прыжки плѣняютъ какой-то дикой прелестью.

Въ ней есть свое, оригинальное, цѣнное, что на казенной службѣ еще не успѣло развѣяннаться на мелочи.

Я совсѣмъ не балетоманъ и скачу въ балетѣ.

Но г-жа Дунканъ и г-жа Потапенко, кажется, имѣютъ по духу что-то общее.

Объ чувствуютъ красоту.

Первая за образецъ взяла спокойную пластику этрусскихъ вазъ.

Вторая—оригинальность вакханокъ. За границей, я увѣренъ, на г-жу Потапенко обратили бы внимание и она составила бы быстро себѣ имя.

А у насъ.

По сравнению съ этимъ потѣшно-трагичнымъ маскарадомъ украинскій маскарадъ, устроенный А. И. Рѣшнтьковой-Булгаковой, казался высокохудожественнымъ событіемъ.

На немъ тоже летали.

Летала по воздуху неумолима истинно малорусская дѣвка А. И. Рѣшнтькова—Булгакова.

Летала не на веревочкѣ, не въ гамакѣ, а въ гопакѣ.

Остроты Старицкаго дѣтски наивны и чересчуръ горилочны, но въ богу же лучше «громовъ», которыми потчевалъ Варламовъ.

Соплка, на которой играе дітнго огромнаго роста въ барашковой шапкѣ, ужъ несомнѣнно оригинальнѣе и интереснѣе пѣнія г-жи Гвоздецкой.

Мастітый дітнго Арабакинъ прочиталъ изъ Шевченка:

А може й сам на небеси
Смѣшья, Батечку, надъ нами?
Та може радишь ся панами,
Якъ править миромъ?

Що заврилась яки тут рабъ?
Звичайно радсть та хвала!
Тобі одному святому
За дивині твої дѣла?

От тим той ба! Хвали нікому
А кров то сльози хула.
Хула всьому... Ні, ні, ні того
Нема святого на землі,
Мені здасться що й самого
Тебе вже може проклані.

На сценѣ—въ залѣ развѣвались ленты наивнѣшихъ головныхъ уборовъ далекой Украйны.

Неимовѣрное количество бусъ,—дешевыхъ кормилочныхъ бусъ.

Красивыхъ дивчинъ почти нѣтъ. Есть

недурненькія. Но даже и дурнушки сегодня кажутся гармоническими.

Мало надо малоросу, чтобы развеселиться, чтобы улыбнуться, разсѣяться, запрыгать гопакомъ и забыть о всемъ окружающемъ.

Малороссъ до старости остается ребенкомъ.

И на «Вулциѣ» эти дітн чувствовали себя, какъ въ раю.

Я не веселился ихъ весельемъ. Но я понималъ его.

Третьимъ балаганчикомъ сезона былъ «Балаганчикъ» въ театрѣ Коммиссаржевской.

Помните у Кузмы Пруткова басню объ архитекторѣ и птичницѣ:

Газъ архитекторъ съ птичницей связался.

Въ ихъ дѣтищѣ смѣшались двѣ nature:

Сынъ архитектора—онъ строить покушался.

Сынъ птичницы—онъ строилъ только куры.

Связь г-жи Коммиссаржевской съ г. Мейерхольдомъ въ результатѣ дала г. Блока.

Въ ихъ дѣтищѣ смѣшались всѣ nature.

Блокъ что-то строить покушался, но строилъ только куры здравому смыслу.

Да развѣ можно говорить о здравомъ смыслѣ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого смысла, ни здравого, ни больнаго, ни малаго, ни большаго.

Постановка «Балаганчика»—это такая же пощечина петербургской публикѣ, какъ «Красная Шапочка», съ Варламовымъ.

Мейерхольдъ и Блокъ словно тѣ ткачи извѣстной сказки Андерсона, которые пустили короля гулять по городу нагишомъ.

Предварительно увѣривъ публику, что она одѣтъ въ сорочку чудеснаго полотна, которую видѣть могутъ только честные и умные.

И всѣ, весь городъ видѣлъ сорочку, т. е. дѣлалъ видъ, что видѣлъ.

Весь городъ, за исключеніемъ одного маленькаго мальчика.

И вотъ вчера, вступившій въ блокъ съ Блокомъ Мейерхольдъ пустилъ гулять голую глупость.

Но онъ предупредилъ, что эта глупость одѣта въ тонкія и чудесныя ткани символизма.

Видѣть эту ткань можетъ только человѣкъ чуткій, умный, переловой.

И публика дѣлала видъ, что видѣла эту ткань.

И смотрѣла на голую глупость.

И сосредоточенно хмурила лица.

Правда, въ антрактѣ шикали и свистали.

Здорово свистали.

Но половина все же аплодировала.

Я видѣлъ взрослыхъ мужчинъ, которые вызывали Блока!

Они не хотѣли показывать чернотенными въ искусствѣ!

Бѣдное искусство! Какъ все перемѣшалось, перепуталось въ немъ.

Не разберешь: правая, дѣлая, гдѣ стонона...

вать, что это лишь первый толчекъ, и потому онъ можетъ сыграть большую роль, будучи самъ малымъ. Эти первые толчки играютъ ту же роль, какую играютъ, напримеръ, поворотъ крана, пускающій паръ въ паровую машину.

Такимъ образомъ оберечься отъ него совсѣмъ нельзя никогда и нигдѣ, развѣ уйдя отъ жизни, а паллиативъ требуетъ слишкомъ большихъ жертвъ. И я, какъ поклонникъ свободной естественной жизни, совершенно отвергаю борьбу съ этимъ.

Чѣмъ меньше рамокъ—тѣмъ лучше, красивѣе жизнь. И гораздо важнѣе, чтобъ этотъ маленькій факторъ не смогъ сыграть большой роли при наличности вторыхъ двухъ силъ, къ анализу которыхъ я теперь перехожу.

Да, чтобъ еще больше убѣдить въ бесполезности этой борьбы, укажу на слѣдующее. Вѣдь этотъ толчекъ можетъ быть совсѣмъ изъ другой области факторовъ. Вѣдь и поворотъ крана—это дѣйствіе совсѣмъ не того сорта, что сила упругости пара.

2-ой факторъ—благопріятныя условия въ данномъ субъектѣ. Во-первыхъ—это могутъ быть патологическія явленія—тогда нужно съ ними бороться по мѣрѣ силъ медицины, и тутъ я пассъ.

Во-вторыхъ—это можетъ быть обыкновенная «половая зрѣлость», которая является доминирующимъ. И единственственнымъ и лучшимъ средствомъ я считаю то, что превосходитъ «дѣвущка» въ одномъ изъ №№ вашей газеты. Нужно дать естественный ходъ, если возможно, своимъ чувствамъ. Не нужно ихъ сдерживать, ибо тогда они выливаются въ уродливыя формы. Что касается воспитанія, то, конечно, только не шаржированной естественностью (которую я только и признаю) можно подготовить въ ребенкѣ почву для воспріятія всего красиваго и уродливаго въ жизни. Пусть онъ знаетъ красоту, но безъ «улыбочекъ», и тогда въ грязи жизни онъ найдетъ красоту! И первымъ дѣломъ нужно бросить дѣленіе на «дѣвочекъ» и «мальчиковъ».

Школа же, пока она будетъ давать привилегированное положеніе и пока поэтому на нее наши «учителя» будутъ смотрѣть во первыхъ, какъ на професію, а родные—какъ на необходимость—до тѣхъ поръ она будетъ коверкать молодую душу вообще, а въ частности своей необходимо такъ или иначе зат-

лой обстановкой, способствовать и первою толчку, и развитію эволюціи.

Но это уже условия внѣ насъ, людей, ледящія, т. е. 3-ій факторъ.

И здѣсь опять, какъ и во всемъ, нужно провозгласить ту же естественность, ту же красоту жизни.

Это второе условіе (3-ій факторъ) тѣсно связано съ 1-ымъ по мѣсту, такъ сказать, а по связи съ 2-ымъ.

И во всемъ у меня одно ясно, что никакими рамками не поможешь. Вѣдь онѣ, кромѣ всего, очень опасное средство: онѣ могутъ замкнуть ребенка отъ воспитателя. Ложь въ устахъ «взрослыхъ» подчасъ лучше видна дѣтямъ, чѣмъ взрослымъ!

Теперь я, обѣло проанализировавши, какъ можно это сдѣлать въ письмѣ, эту эволюцію, попробую вывести реальныя заключенія.

Но долженъ предупредить, что это не универсальное средство вообще. Это потому, что 1-ый факторъ и 3-ій прямое слѣдствіе жизни, ея эволюціи. 1-ый даже на мой взглядъ постоянный спутникъ человѣческой жизни отъ ея начала до конца.

И, если даже признать, что 3-ій факторъ и исчезнетъ съ концомъ теперешняго экономическаго строя (чего я не думаю), т. е. что социальный строй не будетъ давать больше обстановки, помогающей разсматриваемой эволюціи, то все же есть еще 2-ой факторъ.

И если у субъекта будутъ 1 и 2, то онъ найдетъ условія, при которыхъ его развратъ сможетъ эволюционировать. Безъ присутствія же 2-го—вообще говоря (такъ какъ я забылъ указать, что 3-ій факторъ можетъ немного увеличить 2-ой) «разврата» быть не можетъ.

И потому, единственно, что я могу посоветовать воспитателямъ—это постараться заложить въ ребенкѣ ясное, естественное понятіе о жизни; стремленіе къ красотѣ, къ духовной силѣ.

Большимъ же я посоветовалъ бы постараться перемѣнить обстановку жизни, чтобъ забыть о своемъ горѣ.

Примите и проче

Максъ Тэ.

Р. S. Позвольте мнѣ еще высказаться по поводу наивнаго, чтобы не сказать больше, проекта Ф. Мертваго, или какъ въ перефразировали: «мертваго проекта».

Я не буду говорить о триумбѣ, «показанномъ» г-номъ Мертвымъ относительно

но проституціи, но напомино ему, что здѣсь дѣло не только о проституціи, а главнымъ образомъ о извращеніи перваго чувства.

Впрочемъ, онъ и самъ какъ будто это предполагаетъ, давая свой проектъ союза, которымъ смогутъ пользоваться и дѣвушки съ «прошлымъ» (о возрадуитесь, вы—порочные!)

Двѣ основныя мысли онъ ложитъ въ фундаментъ союза: 1)—моральное воздѣйствіе чтеніемъ на «душепасительныя» темы и 2)—репрессія.

Какъ первое, такъ и второе ничуть не помогутъ.

Какъ я уже указалъ—главная задача въ томъ, чтобы уменьшить въ чловѣкѣ почву, благопріятную для эволюціи разврата. А этимъ много ль поможешь? Вѣдь, такъ могутъ разсуждать лишь сытые (и то не всѣ!)—ибо они не знаютъ, что голодный, голодая, скрываетъ свой голодь, и что, если къ тому же прибавить еще репрессіи, которая не затронутъ ума, не заставятъ его возненавидѣть свой «порокъ», то этимъ лишь увеличится тайна его порока. Этимъ лишь можно заставить его уйти отъ ледящій, т. е. ухудшить дѣло.

Нѣтъ, г-нъ Мертвый! Ни морально, по шаблону для всѣхъ, ни репрессіями съ «протоколами», вы не поможете дѣлу.

Здѣсь можно лишь помочь, любя того чловѣка, котораго лечишь; здѣсь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно поступать иначе, сообразно съ субъектомъ. И тутъ вообще союза, а тѣмъ болѣе союза, предлагаемый г-номъ Мертвымъ, хотъ бы онъ и получилъ право арестовывать «безнравственныхъ», не помогутъ.

А въ остальномъ другомъ союзѣ—это простая взаимопомощь. Что же—это дѣло хорошее, но почему лишь для порочныхъ, господишь Мертвый?

Максъ Тэ.

Думаю, что безъ интереса прочтется письмо г. Печальнаго.

Печатаю его съ большими купюрами, въ виду безпримѣрной рѣзкости деталей.

«... Расходится морщина на челѣ и въ небесахъ я вижу Бога...»

«Мнѣ давно хотѣлось откликнуться на вашу анкету цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви. Это по христіански исповѣдаться передъ всѣми—»

Думаю лишь «счастливые».

какъ-то не вѣка по Р. X., когда въ рошакѣ въ петербургѣ родилось г-нъ Мертвый, какъ умираетъ бабочка, чтобъ родилась червь, неблудущій красота, и пожирющій душу...»

Тогда отъ исповѣдающихся не спрашивали паспорта и вы, теперь дѣлаете то-же. А потому и оттого—вмѣсто патеровъ скажу я вамъ: почему, могу я работчій, продавать свои руки и ноги и голову, почему я, поэтъ, могу продавать сердце, голову, почему я, пѣвецъ, свою глотку и легкіе, а собесѣдникъ свой уши почему продаютъ разными профессіями и носъ, и глаза, и кукусы... Все это продается, но скажете вы—все это непродажное. Но откровенно забрало, г.г. Мертвыя, начинающіе за здравіе «пащину» въ концашоце за Пѣблоу, снѣвскихъ, надо учинить ассенизацію, вамъ и Ю, чтобъ вашъхъ падшакъ, коитъ въ оказывае четь въ своемъ нравственномъ доврѣнн, не смѣла топнуть сама наглость, презирающая лицемеріе.

Конечно, въ Мертвые—мертвые лицемерны и пошли, ибо не хотите излечиться отъ лицемерія и тѣмъ только уничтожите наглость.

Развѣ не пошлость отнять у чловѣка хлѣбъ, и кричать: такъ вотъ откуда развратъ, развѣ не пошлость каночить... бѣднѣнній, хлѣба у тебя нѣтъ, ну, богъ тебѣ проститъ... по-развратничай себѣ хотя бы со мною! Не смѣйте оскорблять голоднаго вы, тугоголовые, будьте въ прокляты за это лицемеріе настоящей страсти и любви и живите только развратомъ, вы, Каины, всегда найдете свое болото, и назовъ Онономъ, не пойтее дальше Мещерскаго, а любовь, если бы вы на нее и покусились, предложитъ вмѣсто себя—старья свои калоши, холодныя складки тѣла и жестоко посмѣется надъ вами, жедая не прост...удиться.

Своей нервъ и мускуль продаетъ и ученый и любовь, но не скажете вы—Мертвые, перестаютъ быть учеными и любовью потому только, что продаются, поддерживая свое существованіе, не нарушая своего права на существованіе продажностью.

И если равно и ученый и любовь въ своихъ тайникахъ своею работою перебиваютъ цѣли былого, сушаго и градающаго рабства, то не простите ли бы съ радостью бьющимся сердцемъ и душою и любви и ученымъ того, въ чемъ

Критики волошинского толка уверяют, что чѣмъ бессмысленнѣе произведение (например «Яръ» Городецкаго, «Балаганчикъ» Блока, «Прозрачность» Вячеслава Иванова и т. п.), тѣмъ оно лѣвѣе.

Ясность, здравый смысл, здоровое творчество—все это вещи черносотенныя.

Театр Коммиссаржевской объявленъ «лѣвымъ», несмотря на то, что въ немъ идутъ пьесы вроде «Вѣчной сказки» съ тенденціями далеко не демократическими.

Или «Балаганчики», въ которыхъ не только тенденцій, но и смысла вовсе нѣтъ.

А развѣ театръ объявленъ лѣвымъ, всѣ должны ему аплодировать.

Кто противъ мейерхольдничанья, тотъ... черносотенникъ.

И аплодируютъ ему.

Фальшивыми, бронзовыми аплодисментами.

Моя статья о «Балаганчикѣ» въ № 11 оказалась пророческой.

Собысь все, что я писалъ,—такъ что я къ ней отсылаю читателей, интересующихъ моимъ взглядомъ на пьесу.

Основная мысль моя была, что въ театрѣ Коммиссаржевской весь сезонъ идетъ подъ разными названіями «Балаганчикъ».

«Вѣчная сказка»—«Балаганчикъ».

«Нора»—«Балаганчикъ».

«Сестра Беатриса»—«Балаганчикъ».

Даже изъ «Вѣ городѣ» Юшкевича сдѣлали «Балаганчикъ».

Въ фарсовыхъ, балаганскихъ тонахъ вели и «Чудо святого Антонія» до самой генеральной репетиціи.

Ахъ, сѣвѣны онъ се опутать...

Бѣдная, бѣдная Вѣра Федоровна!

Какъ ей, вѣроятно, завидно было глядѣть вчера на Бравина, на Грузинскаго, на Корчагина, воскресившихъ своей игрою въ «Чудѣ» похороненный Мейерхольдомъ бытъ.

И всѣ они—и Феона (Гюста), и Любошъ (Ашиль) и Бецкій (Жозефъ) были живы и интересны, потому что нашли самихъ себя.

Потому что знали, что и какъ играть.

Знали, что нужно изобразить ту «буржуазную сволочь», для которой ничего нѣтъ святого, кромѣ денегъ.

Не святъ даже святой Антоній Падуанскій, сошедшій съ небесъ, чтобы воскресить старушку Ортансъ (р-жа Тизенгаузенъ).

Его объявляютъ сумасшедшимъ, его обвиняютъ въ мошенничествѣ, его забираютъ въ участокъ.

Прекрасная пьеса Метерлинка смотрится съ неослабнымъ вниманіемъ и производитъ сильное впечатлѣніе, котораго не портитъ даже смѣхъ, встрѣчающийся порой при взглядѣ на чловѣчскія, слишкомъ чловѣчскія, сутенярскія и жесты горничной (Корчагина), доктора (Бравина) или кюрэ (Грузинскій).

Это былъ театръ Коммиссаржевской, воскресшій театръ Коммиссаржевской.

Госпожа Коммиссаржевская не летала по воздуху, какъ Варламовъ, а ходила по землѣ.

О НОВОМЪ НАЦИОНАЛЬНОМЪ ГИМНѢ.

Мысль о созиданіи новаго національнаго гимна занимала умы многихъ. Не только большинство музыкантовъ, но и публику не удовлетворяетъ напѣвъ Львовскаго гимна.

Мы говоримъ исключительно о музыкальной сторонѣ дѣла.

Послѣднія изслѣдованія показали, что Львовъ воспользовался прусскимъ маршемъ, взявъ трио изъ него въ медленномъ темпѣ для гимна.

Весь оборотъ мелодіи и гармоніи указываетъ на его нѣмецкое происхождение. Не было мысли о томъ, чтобы русская тема легла въ его основу. Съ чисто художественной стороны музыка не высокаго качества. Въ этомъ отношеніи «Славяскіе славяне» Глинки неизмѣримо выше и гимнъ болѣе въ духѣ народа, чѣмъ Львовскій.

У Глинки еще былъ набросокъ національнаго гимна, неоконченнаго. Онъ былъ помѣщенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русской музыкальной газетѣ», и не заинтересовавъ нашихъ музыкантовъ, прошелъ незамѣченнымъ.

Глазуновъ ко дню открытія думы на-

писалъ несложный и красивый по музыкѣ гимнъ, не привившійся до сихъ поръ. Въ немъ не вылилась страсть и жаръ революціонной волны, охватившей страну.

Дѣлалось кромѣ этого много другихъ попытокъ, не достигавшихъ успѣха. Н. Г. Шебуевымъ при редактированіи «Пулемета» объявленъ былъ конкурсъ на сочиненіе русской марсельезы или гимна.

Было прислано нѣсколько рукописей, но всѣ онѣ мало удовлетворительны. Лучшій изъ нихъ можетъ быть скорѣе хорошей застольной пѣснейю, чѣмъ гимномъ.

Безплодность всѣхъ исканій, повидому, очень зависитъ отъ тѣхъ основъ, на которыхъ создавался и поκειται русская пѣсня.

Въ ней слышится заунывный стонъ подавленнаго вѣками народа.

Во многихъ пѣсняхъ говорится о рабствѣ, о насильной разлукѣ, о чужой сторонѣ...

«Покажите мнѣ напѣвы вашей страны, и я скажу, какъ она управляется»,—изреченіе Конфуція.

Онъ прозрѣлъ великую истину и указалъ на глубокую коренную связь музыки съ общей культурой.

Когда страна благоденствуетъ и пѣсни друія. Возьмите старые французскія напѣвы, американскія мелодіи... Вы не найдете въ нихъ той печали, какую встрѣтите почти отъ каждой русской протяжной пѣсни.

Климатъ сѣвера оказываетъ не мало вліянія. Подъ давленіемъ его темпераментъ народа и его творчество терять сангвиническій характеръ.

Съ другой стороны безшабашная даль и веселье, граничащее почти съ отчаяніемъ, выражаются въ столь быстрыхъ темпахъ, что рисунокъ этихъ мелодій, перенесенный въ умѣренный маршеобразный размѣръ, терять свой обликъ, обезцвѣчивается.

Гимнъ долженъ быть приспособленъ для шестей. Широкому распространенію марсельезы способствовалъ не мало его маршеобразный ритмъ.

Самый главный камень преткновенія для созиданія гимна лежитъ въ оборотахъ мелодіи нашей пѣсни.

Грусть и вопль народный выразился болѣе въ интервалахъ квинты, октавы и терціи.

Рѣже въ встрѣтите кварту и въ особенностіи кварту вверхъ— характерный признакъ всѣхъ воинственныхъ и побѣдныхъ пѣсенъ.

Съ интервала кварты начинается марсельеза, кварты же даютъ характерный боевой отбѣнокъ у Вагнера тематъ Зигфрида.

У насъ нѣтъ богатаго историческаго матеріала для созиданія національнаго гимна, марсельезы.

Мы застѣнуты историческими событіями врасплохъ.

Скорѣ мы способны оплакать героевъ нашей музы, чѣмъ вести ихъ впередъ.

Попытки разбиваются о подводные камни и, вѣроятно, еще будутъ разбиваться, пока народная особободительная волна, не создастъ новаго быта. И результатомъ его будутъ новыя народныя пѣсни.

Нараждающаяся фабричныя пѣсни, рабочія пѣсни достойны вниманія.

Я не говорю о тѣхъ старшихъ въ видѣ «въ селѣ Маломѣ Ванька жилъ...» Нѣтъ, я хочу указать, напримеръ, на польскія пѣсни, распеваемые манифестантами.

Мотивы пѣсенъ «Червононаго штандарта» «Варшавянки», «Сиблю, дурья, не теряйте» «Дымомъ пожаромъ» (проглаголюющую въ «Полководцѣ» Мусоргскаго) и другія могутъ послужить службѣ.

Въ нихъ есть характерныя для славянина обороты темъ въ связи съ рѣдко появляющимися ранѣе интервалами.

Желательны изслѣдованія пѣсенъ подлужныхъ племенъ, особенно сѣверныхъ отголукъ. Среди нихъ уцѣлѣли еще остатки воинственнаго и жреческаго культа.

Можетъ быть тамъ, на далекомъ сѣверѣ, можно найти тѣ дорожки насть камни, которые смогутъ соединить насть съ сѣдой древностію и приподнять ту таинственную запысь, отдѣляющую насть отъ древняго русскаго языческаго искусства.

Вѣды скифы и печенѣги должны же были имѣть свои напѣвы.

Национальный гимнъ родится, когда волна освободительнаго движенія снова полетѣетъ широкой рѣкой.

В. СЕНИЛОВЪ.

виноваты не они, а тѣ, кто за хлѣбъ, воду, воздухъ и свѣтъ тянетъ золото и жилю. Всѣ продаются, слѣдовательно не въ этомъ позорѣ, г.г. продажныя.

Если по наблюденіямъ мужчины - Мертваго болѣе занимаютъ проституціей женщины, чѣмъ мужчины (и занимаютъ д. б. не съ мужчинами, а съ амурани), то можно легко сказать изъ страха глаза и мора. Мужичинамъ же полагается отъ глаза предаваться мору. Глупо же право шамкавъ, господа, что проституція сестра голоду, проституціонный Побѣдоносцевъ любить голыхъ женщинъ и сытыхъ мужичинъ, а настоящій Богъ,—сытыхъ женщинъ и голыхъ мужичинъ. Снимите же, мертвые, свои вуали и скажите: э-э... женщина болѣе раба, чѣмъ мужичина, и я торую его,—покупаю, продаю,—ея мускулами и особенно тѣми, которыя лежать глубоко.

Но простите, милый Шебуевъ, что на войну съ мертвецами я проститутничала свои чернила. Я владою олимпійскихъ рабамъ, чернилами, да и тотъ долларъ. Но и рабъ долженъ работать на свое освобожденіе.

Женщина должна открыто сказать, чтобы на нее не покушались съ негодными средствами, что мускулъ любви, долженъ быть способенъ къ работѣ, а это должно быть для всѣхъ очевидно, а не только тогда, когда надѣнуты усы Гименея. Уважающій васъ Печальный.

Самъ авторъ проекта «союза» прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ до нѣкоторой степени, оппонировать сами себѣ.

«Многоуважаемый Николай Георгиевичъ! Позвольте вамъ лично изложить то, чѣмъ я руководствовался, когда рѣшился черезъ посредство вашей газеты предложить обществу организовать «Союзъ борьбы съ безнравственностію». Я хорошо знаю, что очень многие будутъ возражать противъ осуществленія подобнаго союза. Да и въ судъ хотя бы по тому, какъ невольно у васъ появилась игра словъ «проектъ Мертваго—мертвый проектъ»,—и вы, должно быть, въ одномъ изъ слѣдующихъ NN своей газеты скажете свое «сontra».

На первый взглядъ можетъ многимъ показаться, что то, что я говорю въ концѣ моего перваго письма, совершенно противорѣчитъ второму, и одно письмо исключаетъ второе. Меня еще можно упрекнуть, что я все же таки хочу об-

разовать какое-то филантропическое общество, тогда-какъ самъ же говорю, что они не могутъ помочь и ослабить зло половова вопроса. Но въ томъ то и дѣло, что союзъ, о которомъ я говорю, долженъ быть союзомъ борьбы съ безнравственными, но никакъ не обществомъ филантропическаго характера. Я остаюсь, конечно, при томъ мнѣніи, что только съ уничтоженіемъ капиталистическаго строя половой вопросъ можетъ быть поставленъ рационально. Но скажите, развѣ для этого не должна быть подготовительная работа уже теперь? Развѣ не нужно уже теперь просвѣщать массу по половому вопросу столько же, сколько нужно просвѣщеніе массъ по другимъ вопросамъ? Это одно. Теперь, развѣ со мной не согласится каждый членъ лѣваго крыла въ политическомъ движеніи, что чѣмъ болѣе будетъ членовъ, мыслящихъ съ нимъ одинаково, тѣмъ ближе будетъ его идея къ осуществленію. И вотъ я и хочу, чтобы вокругъ половова вопроса, который касается каждого,—собралось и сплотивилось какъ можно болѣе жающихъ его разрѣшить. Кто же будетъ честно стремиться къ осуществленію этого желанія, неминуемо долженъ будетъ натолкнуться на тотъ фактъ, что половой вопросъ потому представляетъ изъ себя нынче такое вопиющее зло, что весь нашъ социальный строй никаку не годится; но еще раньше каждый честный членъ союза натолкнется на тѣ преграды, которыя ему будетъ ставить самодержавное правительство. При половомъ вопросѣ это особенно рѣзко проявится. Такимъ то образомъ и будетъ увеличиваться оппозиціонный элементъ среди населенія.

Такой живой постановки вопроса я признаться отъ г. Мертваго никакъ не ожидалъ.

Н. ГЕОРГЕВИЧЪ.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Николаевичъ Митусовъ, жительствующій Литейной части, по Манежному переулку № 7, подаль сего числа на имя Нотаріуса Ю. С. Забѣльскаго для сообщенія Вамъ заявленія слѣдующаго содержания: «Прошу Васъ, господинъ Нотаріусъ, сдѣлать отъ моего имени редактору «Газеты Шебуева» Николаю Георгиевичу Шебуеву, проживающему Литейной

части, по Ковенскому пер. д. № 14, заявленіе слѣдующаго содержанія: 2-го января 1907 г. Милостивый Государь, Николай Георгиевичъ. Случайно ознакомивъ съ содержаніемъ статьи, напечатанной обо мнѣ въ первомъ № вашей газеты, я считаю долгомъ уведомить Васъ, что всѣ приписываемыя мнѣ факты, а также напечатанные про меня слухи—совершенно вымышленны и въ дѣйствительности ничего подобнаго никогда не происходило. Это я утверждалъ положительно и всегда готовъ и могу доказать вамъ или довѣренному вами лицу. А потому покорнѣйше прошу васъ, на основаніи цензурнаго устава, въ ближайшемъ № вашей газеты напечатать это мое опроверженіе. При чѣмъ надѣюсь, что вы избавите меня отъ дальнѣйшей полемики, въ которую я вступаю не намѣренъ по своему предмету; въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ обратиться къ законной защитѣ суда. Съ совершеннымъ почтеніемъ Степанъ Николаевичъ Митусовъ.»

О вышеложенномъ имѣю честь сообщить Вамъ, Милостивый Государь.—Исправлено «ознакомивъ».

II
Въ статьѣ «Терговля казенными давками» есть одна неточность, именно: В. С. Тимофеевъ служилъ въ этомъ дѣлѣ только передаточной инстанціей, т. е. Д-тъ Окладныхъ Сборовъ ничего общаго съ Акцизомъ не имѣетъ и вѣзика по такому роду дѣла въ мыслями, лишь въ Губернскомъ Акцизномъ Управленіи, въ которомъ г. Тимофеева было 3 описанію близкое (и крупное—по значенію) лицо для подобнаго хлопотъ. (Губ. Акц. Упр.—по Главн. Управл. Неокладн. Сбор. и Каз. Прод. итд.) О семъ я пишу вамъ не ради ревности о славы и добромъ имени Д-та Окц. Сб., а для соответствующаго умозаключенія. В. Р. Забѣльскій упоминаетъ о томъ, что съ апрѣля г. г. В. Тимофеевъ уже не служилъ въ Дос. вышелъ въ отставку, получивъ очень хорошую пенсію.

III
Въ Вашей уважаемой газетѣ я прочелъ объявленіе «Психологическаго книгоиздательства»: «Таинны сѣвѣхъ!»

Въѣвъ мѣсяца тому назадъ я читалъ такую же рекламу въ газетѣ «Око», только разница была въ томъ, что тогда «психологическое издательство» восклицало: «Сила внутри насъ», а теперь оно кричитъ: «Сила въ насъ самихъ».

Но дѣло не въ томъ, что оно кричитъ а въ томъ, что почтеннѣйшее «Психологическое книгоиздательство» обращаетъ довѣренію публику.

Это фактъ. Я это испыталъ на себѣ. 12 ноября я послалъ письмо «Психологическому книгоиздательству» съ приложеніемъ 7 коп. марокъ, въ которомъ просилъ выслать мнѣ бро-

шору—«Сила внутри насъ» бесплатно согласно объявленію издательства, но до сихъ поръ не вижу никакой «силы» издательства, кромѣ назойливыхъ объявленій. Приходите ко мнѣ пріятель. Я сообщу ему эту «силу».

Далъ Батенька, ты мой! Теперь уже они кричатъ, что «сила въ насъ самихъ», а прежде была «сила» только внутри ихъ. Я тоже, братъ, послалъ марку и ничего не получилъ. Алексей Трофимовичъ и Григорій Степановичъ тоже послали по одной маркѣ и ничего не получили, да и ожидать не стоить, потому что, голубчикъ мой, это «сила»—штука улабася, сказала мой знакомый.

— Вотъ такъ сила!—неудумвала я.

Но интересно бы знать: сколько этой «силы» приобрѣтеть «Психологическое издательство» въ теченіе года?

Мало того, что объявленіе обирается справа и слѣва—надо еще его обирать и «психологической силой». Но для совершеннаго обѣдана 7 коп. стоятъ дорожѣ, чѣмъ для капиталиста семь рублей. Обезовано, «психологическое издательство» это и не подумаетъ. Оно кричитъ: «Сила въ насъ самихъ»!

Да, хорошая сила!

И такъ, господа, довѣрчивые и наивные присылайте «Психологическому книгоиздательству» побольше 7 коп. марокъ, и тогда у него скорѣе вырастетъ не «психологическая», а лыльная сила, въ видѣ капитала.

Господинъ издатель!

Покорнѣйше прошу васъ опубликовать эти строки, чтобы объявленіе понялъ, какая эта «сила».

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубокой преданности къ Вамъ.

Н. МАЛЕВАНЪ.

Петропавловская больница, зимнее зданіе.

IV.

Милостивый Государь,

Николай Георгиевичъ! Прочитавъ въ № 13 Вашей газеты статью г. Тверетниова, я считъ долгомъ по поводу его постскриптума сдѣлать автору слѣдующее указаніе. Считаю его споръ съ издателемъ Пирожковымъ труднымъ, но не безнадежнымъ, я полагаю, что и затрѣтъ по этому дѣлу истина не можетъ быть. По характеру спора, дѣло подсудно Коммерческому Суду, пѣ судейскимъ пошлннъ не взаимотѣ и прідется затрѣтъ всего нѣсколько рублей на гербовыя марки. Въ случаѣ проигрыша дѣла Коммерческій Судъ не присуждаетъ выигравшей сторонѣ судебныхъ издержекъ, а только вычитать въ пользу казна 50 коп. штрафа съ цѣны иска. Настоящій же искъ, по моему мнѣнію, можно предъявить безъ обѣнки и въ такомъ случаѣ, даже при проигрышѣ дѣла, никакого штрафа не будетъ. Мнѣ кажется, что въ Коммерческомъ Судѣ, если къ исковою прошенію приложить договоръ и письмо Леваке, можно тотчасъ же въ обезпеченіе иска получить исполнителнннй листъ, по которому излить напечатанныхъ экземпляровъ будетъ приостановленъ. Если мои соображенія заинтересуютъ г. Тверетниова, я просилъ бы его зайти ко мнѣ въ одинъ изъ ближайшихъ дней утромъ часовъ въ 11 или вечеромъ часовъ въ 6—7. Съ совершеннымъ почтеніемъ прис. пов. В. С. Хесинъ.

СМИРНОВКА.
III.

Вопрос о переполнении адвокатуры, о приливи совершенно новых элементов, которые, пожалуй, не привыкшие к новой культуре, становятся злобой дня в «Смирновке». Вместе с тем многие считают нужным более длительное реагирование совета на политическое гонение своих сочленов, становящихся под знамя разных черносотенных союзов и их органов. Присутствие в среде слушателей товарища председателя совета, Леонида Александровича Базунова, придает бесѣдѣ характер упрека общему направлению советской политики. Леонид Александрович высказывает всѣ реплики съ свойственной ему мягкостью и добродушием, и такъ же просто, безъ аффектации, разъясняет свой, а также советскій взгляд на отношеніе къ разносѣльщикамъ.

Но, прежде всего, позволѣть нѣсколько словъ о самомъ Леонидѣ Александровичѣ. Я думаю, онъ теперь самый популярный членъ сословія, изъ адвокатовъ средняго возраста (впрочемъ, въ западной Европѣ онъ считался бы еще совершенно молодымъ). Сейчас онъ занимаетъ второе по значенію мѣсто въ советѣ, фактически же въ виду дружности Д. В. Стасова, председателя, является главенствующимъ въ немъ лицомъ. Избраніе его, въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ лѣтъ, обезпечиваетъ огромный количественно бѣлыхъ шаровъ. Его любятъ за талантъ, а главное — за прекрасную душу, за то, что у него для товарища находится лишь слово сожалѣнія, а не осужденія. Прекрасное качество судьи — безпристрастіе, но выше его — милосердіе, умѣнье войти въ положеніе подсудимаго, найти извиняющія его обстоятельство. И если уже Л. А. осудитъ кого-то, значитъ, действительно дурной человекъ. Эти высокая качества души, цѣнныя чуткой молодежью, иногда находятъ осужденіе со стороны стариковъ. Увы намъ, горе сословію! — причитываютъ они. Посмотрите, до чего довела такая мягкость и до чего еще доведетъ! Словомъ, избаловалась молодежь, отъ руки отбилась. Дойдетъ, пожалуй, до того, что совѣсь исчезнетъ строгая дисциплина и расшатается всѣ устои, на которыхъ издавна, какъ на китахъ, держалось сословіе. И идуть воспоминанія о Катонахъ, о строго-педантичномъ Потѣхинѣ, о безстрастно-неумолимомъ Лустигѣ, о джентельменѣ, опять таки строгомъ, Герардѣ. Словомъ, все Юпитеры, а не товарищи, на которыхъ взиралъ съ нѣкотораго рода страхомъ и благоговѣніемъ. Сами начавъ свою адвокатскую карьеру при исключительно благоприятныхъ условіяхъ, когда вса присяжная адвокатура состояла изъ 20—30 человекъ, они не знали ни нужды, ни горя, и потому менѣе всего могли понять положеніе какого-нибудь несчастнаго, которому менѣе всего можно было думать о чистотѣ адвокатской этики, ибо на первомъ планѣ стояли вопросы желудка, вопросы насущнаго хлѣба. И Катонъ съ легкимъ сердцемъ осуждалъ грѣшниковъ, исходя изъ принциповъ самой высокой морали.

Мнѣ извѣстенъ случай, когда покойный В. Д. Спасовичъ, въ качествѣ патрона, настаивалъ на исключеніи одного

своего помощника, который, по горькой нуждѣ, совершилъ растрату 400 рублей. И вмѣсто того, чтобы пополнить самому эту сумму, В. Д. Спасовичъ первый наступилъ пятой на горло несчастному. Другой случай, еще болѣе рельефный; тамъ растрата была совершена отцомъ семейства, въ тяжкую для него минуту жизни. Товарищи, узнавъ про положеніе несчастнаго, собрали нужную сумму, самъ жалобщикъ выразилъ желаніе взять свою жалобу обратно, объясняя ее недоразумѣніемъ при расчетахъ — ничто не могло: совѣтъ объявилъ, что такого важнаго преступника онъ не можетъ оставить въ своей средѣ и исключилъ его, погубивъ и его, и цѣлую семью. Случай этотъ вызвалъ большое волненіе въ сословіи и нареканія на членовъ арсенала. Они, впрочемъ, оправдывались тѣмъ, что «человѣчскія» чувства они прятать, когда приходится въ советѣ, и подписали крупную сумму семьѣ несчастнаго товарища.

Такое былъ сулъ товарищескій, сулъ советскій всего лишь нѣсколько лѣтъ назадъ. На фронтѣ советской комнаты можно было бы начертать суровый девизъ римской юстиціи: fiat justitia, regeat mundus, и я не разъ слышалъ отъ адвокатовъ, призванныхъ къ отвѣту за самые ничтожныя дисциплинарныя проступки, не прозившіе имъ никакими серьезными послѣдствіями, что они идуть въ советѣ съ чувствомъ такимъ, съ какимъ идуть на судъ съ сословными представителями.

Прошло съ того времени всего нѣсколько лѣтъ и физономія совета рѣзко изменилась. Стоило пройти въ немъ нѣсколькимъ представителямъ молодежи, радикально настроенной, и они растворили въ себѣ прежнее риторическое настроение, съ своей стороны восприняли то, что действительно являлось цѣннымъ — духъ, традиціи сословія. Я помню безпокойство, которое выражала консервативная часть сословія, по поводу вступленія этихъ лицъ въ число судей. Прежде всего боялись, что советъ будетъ обращенъ ими въ гнѣздо политической пропаганды, въ орудіе свденія личныя счетовъ съ своими политическими противниками, вѣрнѣе, съ разносѣльщиками. Въ особенности агитировалъ противъ молодежи Павелъ Антоновичъ Потѣхинъ, который учинилъ цѣлый экзаменъ Федору Измаиловичу Родичеву, кандидату лѣвѣму, весьма относительно заслуживающему названіе «молодого».

Чортъ оказался не такъ страшенъ, какъ его малевали. Всѣ эти строго-партичные люди, какъ Родичевъ, Демьяновъ, Беренштамъ, Шнитниковъ, войдя въ советъ, прежде всего забыли о политикѣ и помнили только то, что они ставленники сословія и должны блюсти его сословные интересы, которые могутъ въ известную минуту быть и политическими. Джентельменство этихъ людей дошло до того, что они стали вызывать нареканія другаго сорта — слишкомъ большіи теримости къ такимъ людямъ и поступкамъ, которыя поприцѣдъ политической жизни прямо дискредитируютъ званіе присяжнаго повѣреннаго въ глазахъ общества. Но они ставили себѣ левымъ: каждый воленъ исповѣдывать тѣ убѣжденія, какія онъ признаетъ истинными.

Высочайше утвержденного образца тутъ быть не можетъ. И лучше, что можно сдѣлать — совершенно исключить такой скользкій предметъ изъ сферы разсужденій и осужденій.

Но за то въ отношеніи человѣчности, простоты и доступности новыя избранники оказались действительно и идеальными судьями, т. е. людьми, которые пережили тягло рядоваго адвоката, перестрадали его горестями, знаютъ истину адвокатскаго существованія, знаютъ, что за блестящей внѣшностью иногда кроется нужда, горе, знаютъ, что эти блестящіе, дорого стоющіе, вызываются положеніемъ: noblesse oblige. И когда преступный братъ, но все же братъ, предстаетъ передъ ихъ судомъ, они разсуждаютъ, прежде всего, какъ люди.

И вотъ, даже тѣ, которые привыкли къ олимпійцамъ, которые страдали боязнью за честь сословія, увидели, что можно быть человекомъ и въ то же время не ронять знамени. И во главѣ такихъ глубоко-человѣчныхъ судей я долженъ поставить Л. А. Базунова.

Имѣютъ свою судьбу не только книги, но и люди. Талантливый ораторъ, добросовѣстный адвокатъ, Леонидъ Александровичъ долго пребывалъ въ забвеніи. О немъ забыли и товарищи, и кліенты. Товарищи, менѣе даровитые, менѣе добросовѣстные, но болѣе умѣющіе устраиваться, преуспѣвали, наживали и деньги, и славу, а скромный Леонидъ Александровичъ оставался извѣстенъ лишь тѣсному кружку товарищей, которымъ случалось сталкиваться съ нимъ въ дѣлахъ. Широкая публика шла къ именамъ, которыя день за днемъ пестрѣли на страницахъ прессы.

Но дарованіе взяло свое. Не трудно сохранить безукоризненность правилъ людямъ, врожд Потѣхина, Герарда, которымъ бабушка ворожила, но если такимъ безукоризненно-честнымъ, вѣрнымъ лучшимъ завѣтамъ сословія, остается человекъ, которому приходилось знать и нужду, для котораго каждое дѣло составляло важную статью въ бюджетѣ и который съ твердостью отъ такихъ дѣлъ отказывался, разъ онъ хоть малѣйшій запахъ носило, такой человекъ долженъ быть особенно цѣннымъ.

Прежде всего вспомнили о немъ товарищи, а вслѣдъ за нимъ и кліенты.

Его стали избирать въ советъ присяжныхъ повѣренныхъ, а кліенты, какъ будто, вспомнили, что, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, Л. А. талантливый защитникъ, ораторъ, котораго простія, искреннія слова, безъ всякихъ позъ, всегда доходятъ до сердца присяжныхъ. Хорошо еще, что это признаніе не подошло слишкомъ поздно, что зубы не были уже съдѣлены, чувства притуплены.

Вотъ кому приходилось принимать на себя на сей разъ удары по адресу совета.

Волновался и негодовалъ Михаилъ Константиновичъ Адамовъ.

— Товарищи слишкомъ хорошо знаютъ меня, чтобы заподозрить въ крайностяхъ. Я самый умѣренный человекъ. Но, какъ хотите, Леонидъ Александровичъ, не понимаю а совета, не понимаю, какъ можно на всѣ гнусные выпадъ такихъ представителей адвокатуры, какъ П. О. Булацель, редакторъ «Русскаго Знамени», отвѣчать презрительнымъ молчаніемъ и не возбуждать противъ него дисциплинарнаго дѣла! Я знаю, мнѣ отвѣчать, что убѣжденія каждаго человека — дѣло его совѣсти, что нельзя вмѣшиваться въ эту интимную область жизни адвоката, но, помимо того, что было бы смѣшно говорить объ убѣжденіяхъ такого господина, какъ Булацель, который просто дѣлаетъ карьеру на черносотенство, тутъ уже не слова, а проступки, тутъ воззванія къ убійству инанко-мыслимыхъ, оплевываніе национальныхъ группъ, извѣты самаго подлаго свойства. Можно ли это терпѣть въ присяжномъ повѣренномъ? Если советъ всегда стоялъ на стражѣ чистоты профессиональной этики, то, несомнѣнно, что погрѣшить противъ этой этики можно не только профессиональнымъ поступкомъ, но и поведеніемъ общаго характера, возмущающимъ обще-гражданское чувство каждаго порядочнаго человека. Это уже будетъ не вмѣшательство въ интимную область убѣжденій, а огражденіе сословія отъ господъ, которые, въ силу извѣстныхъ карьеристическихъ соображеній, пускаются во всѣ тяжкія и тѣмъ наносятъ гораздо

большій уронъ нашему званію, чѣмъ растратки кліентскихъ денегъ, которыя такъ сурово преслѣдуетъ советъ.

Тирада была произнесена съ поевсомъ, почти равносильнымъ тому, съ каковымъ Михаилъ Константиновичъ совершаетъ вылазки противъ прокуратуры. Известная часть аудиторіи настроена въ пользу оратора и не безъ ироніи поглядываетъ на Леонида Александровича Базунова: дескать, пожалуйте къ отвѣту. Въ особености это осужденіе советскаго нейтралитета читается въ глазахъ молодежи, какъ всегда нетерпѣливой, какъ всегда нетерпимой.

— Вы удивляетесь терпѣнью совета, испытываемому прис. пов. П. О. Булацельмъ? — началъ Л. А. — Какъ, говорите вы, этотъ господинъ, который призываетъ къ избіенію крамольниковъ, (а крамольники у него всѣ, кто не бѣснуетъ подъ знаменемъ черной сотни), все еще стоитъ въ сословіи присяжной адвокатуры? И его терпятъ советъ — избранникъ большинства адвокатовъ, несомнѣнно настроенныхъ прогрессивно?

Прогрессъ... Либерализмъ... Не изнанія противниковъ требуетъ духъ свободы! Сословные скорпионы не для тѣхъ, кто иначе мыслитъ съ «излобленными» людьми сословія... Какъ бы ни черна была мысль моего противника, я не могу съ нимъ бороться насильемъ. А въ советѣ я — судья, у котораго нѣтъ и противника. Когда я вхожу въ комнату совета, я на порогѣ ея о политическихъ отличіяхъ людей забываю. Всѣ, кого заводитъ сюда нужда (ищущіе пособія) или грѣхъ (дисциплинарнаго дѣла), имѣютъ священное право требовать, чтобы трибуналъ совета забвиль объ ихъ политическихъ убѣжденіяхъ, не спрашивая о принадлежности къ партиямъ.

Подчиненіе контролю совета убѣжденій и взглядовъ присяжныхъ повѣренныхъ произвело бы не только опустошеніе въ рядахъ адвокатуры, но означало бы ея паденіе, даже ея гибель. «Сегодня — ты, а завтра — я» — стали бы ровными словами въ жизни сословія. Политическіе противники должны были бы истреблять другъ друга... истреблять, чтобы не быть истребляемыми самими.

Если борьба съ политическими противниками узаконена въ сословіи, я долженъ всѣми силами стремиться стать во главѣ его. Не процвѣтаніе корпораціи будетъ руководить моими дѣйствіями, даже не тщесловіе, а соображенія личной безопасности. Я долженъ добиваться вѣлательнаго положенія въ сословіи, чтобы пользоваться властью на страхъ и униженіе своихъ политическихъ враговъ — иначе они, стоя вмѣсто меня у власти, уничтожатъ или даже уничтожатъ меня...

Такія времена бывали, не у насъ. Наша адвокатура молода. Но взгляните въ исторію французской адвокатуры. Была эпоха реставраціи и парижскій советъ заплатилъ историческимъ позоромъ за примѣненіе «политики» въ отравленіи своей дисциплинарной власти. Преслѣдуя адвокатовъ, мнѣнья которыхъ расходились съ господствовавшими тогда теченіями, парижскій советъ въ 1822 году запретилъ на время практику адвокату за то, что въ консултанціи его по уголовному дѣлу нашель «нѣчто похожее на лезвие». Въ только представте себѣ высоту нравственнаго авторитета адвокатскихъ старѣшинъ, соперничавшихъ въ уловленіи мыслей своихъ коллегъ съ усерднѣйшими полицейскими чинами. Въ слѣдующемъ году той же карѣ подтверднуть адвокатъ, проявившій въ журнальной статьѣ сочувствіе къ одному изъ дѣвкихъ членовъ національнаго конвента. Члены совета присяжной адвокатуры — добровольно цензурнаго комитета; правозаступника — въ роли пламенныхъ рыцарей цензуры, этой «топорной дурны», по выраженію Пушкина. Въ 1829 году къ тому же наказанію былъ присужденъ адвокатъ, произнесшій по порывавшуся парижскому совету надтробную рѣчь на похоронахъ члена національнаго конвента.

Вотъ отрывокъ изъ исторіи, достаточно поучительный для насъ. У насъ выборы въ советъ происходятъ ежегодно. Политическія теченія въ обществѣ мѣняются, адвокатура постоянно обновляется въ своемъ составѣ и, какъ часть общества, не чужда, политическимъ скачкамъ, общественной мысли. Въ называетъ большинство адвокатовъ прогрессистами, либералами и ждетъ отъ совета, представителя сословія, борьбы съ рыцарями

UPG 17 1906

твья среди членов корпорации. А поручитесь вы, что через несколько лет вы валы общественной мысли не поблгут назад? О, конечно, они отблгут недалеко, скоро вернутся и съ удвоенной силой ринутся вперед. Но для истребления врагов достаточно одной Варолюевской ночи.

Не говорите, что, соглашаясь со мной о безответственности передь советом за политическая убждения, вы готовы настаивать на ответственности за приемы клеветы и доноса, которыми шеголяют политические дьятели. Нтъ, и тут вы не правы. Такие приемы заслуживают осуждения и кары—это бесспорно, но не запрещениями адвокатской практики, налагаемыми в дисциплинарном порядке, должно бороться съ такими политическими дьятелями,—они подлежатъ суду общественного мннья.

Вопросъ былъ исчерпанъ. Разговоръ упалъ и разбился на группы.

ДОБРЫЙ ДУХЪ.

КАРИНКА СЪ НАТУРЫ.

Старый годъ окончился, какъ и начался, полъ громъ разрывающихся бомбъ, полъ трескъ браунинговъ на Охтѣ и на Васильевскомъ островѣ.

Покушение слѣдуетъ за покушениемъ. Въ городѣ то и дѣло появляются слухи о самыхъ невбротныхъ новыхъ жертвахъ террора справа и слева.

На дняхъ на «переговору» съ Москвой является старичекъ въ формѣ,—типичнйшій бюрократъ.

— Соедините съ генераломъ Г—вымъ.

— Кого вьзвать?—спрашиваетъ телефонная барышня.—Самого генерала?

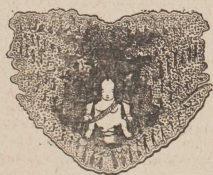
— Ахъ, что вы, что вы...—засуетился старичекъ.—Зачѣмъ самого беспокоить... Пусть кто-нибудь поидеть... кто окажется... Только ради Бога не тревожьте Его Превосходительство.

Барышня соединила съ Москвой...

Старичекъ вошелъ въ будку и раздался его крикливо-суетливо-почтительный голосъ.

— Кто у телефона?.. Кто?.. Какъ?.. Кто?.. Ахъ, это вы, Иванъ Ивановичъ...

Да неужели это вы, Иванъ Ивановичъ... Да не можетъ быть... Ахъ, какъ я счастлива, что это вы, Иванъ Ивановичъ... Но какъ же вы сами подошли... Нтъ, я такъ... просто такъ... справился о васъ здоровъ... Слава Богу... слава Богу... Простите... но въ виду слуховъ, которые сегодня распространились по городу, счелъ нужнымъ потревожить Ваше Превосходительство... А развѣ ничего не случилось... Развѣ вы не вѣдили сегодня по городу... Скажите на милость!.. И никто не стрѣлялъ!.. Да можетъ ли это быть... Ну, слава Богу, слава Богу... А у насъ здѣсь... хе-хе-хе—струхнули... Ну, слава Богу... желаю Вашему превосходительству въ наступающемъ новомъ году благоденственного и мирнаго житія, во всемъ благого послѣшяна, на враги же победы и одолѣнн... Слушаю-съ... такъ и передамъ его высокопревосходительству... Свидѣтельству глубоочайшее почтеніе... Всенижайшій поклонъ Марьѣ Ивановнѣ...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Г. Митусовъ, о похожденияхъ котораго передавалось въ статьѣ «охота за подростками» (см. № 1 «Газ. Шиб.»), прислалъ черезъ нотариуса выше помѣщенное письмо.

Онъ увѣряетъ, что авторъ статьи вымыслилъ факты.

Чтобы доказать на судѣ истину каждой строки выше упомянутой статьи и чтобы освѣтить лучшемъ Ѳемиды личность г. Митусова, я приглашаю всѣхъ свидѣтелей по дѣламъ охотника за подростками пожаловать ко мнѣ отъ 11 до 12 часовъ.

Надѣюсь, что г. Митусовъ начнетъ судебное дѣло.

КВАТИРОЛОГІЯ.

Практическая и теоретическая указанія, какъ устроиться дешево, но мило.

Человѣческое, слишкомъ человѣческое...

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ

Охота за квартирами.

Продолжаю общія указанія.

Охота за квартирами—это такое искусство, передъ которымъ верховая ѣзда, ѣзда на велосипеде, гонка на яхтахъ, хожденіе по канату и прочіе виды спорта—пустяки.

Чтобы быть хорошимъ квартирохотникомъ, кромѣ мѣткаго взора, острого языка, твердой руки, полнаго кармана и дьявольской неутомимости нужно обладать еще и чутвейемъ густополовой собаки.

Не думайте однако, что въ Петербургѣ возможно охотиться за квартирами съ помощью специально для этой цѣли натасканной собаки.

Одинъ мой товарищъ пробуждалъ съ собакой, дѣлавшей стойку не только у каждой пустой квартиры, но даже и у каждой тумбы, два съ половиной мѣсяца, не нанавъ ей даже собачьей конуры.

И вопль понятно, почему.

Господа старшіе дворники не охотно охотно теперь сдаютъ квартиры жильцамъ, у которыхъ имѣются три вѣщи: дѣти, собака и граммофонъ.

Выходите въ девять съ половиной утра.

Раньше выходить не советую, потому что господа старшіе дворники въ девять часовъ утра изволятъ кушать утренній чай.

Утренній приемъ у нихъ отъ 10 до 12 часовъ. Въ полдень они изволятъ прифритикать. Каждый квартирохотникъ долженъ понимать слова пѣсни:

— Ты не улочки ходи,—

Перулочкомъ...

На улицахъ никогда никакихъ квартиръ не найдете.

Въ перулочкѣ, увидѣвъ надпись: «Здаеця темная комната», не вздумайте улыбнуться.

Всѣ, не только старшіе, но и младшіе дворники страшно обидчивый народъ.

Ореография—ихъ гордость. Всѣ они пишутъ по правиламъ, которая только что пробиваютъ себѣ дыру въ интеллигентныхъ сферахъ.

Не дѣлайте недовольнаго лица и не восклицайте:

—Какому черту можетъ понадобиться

темнота!..

Терпѣливо запишите ея адресъ, быть можетъ, какой-нибудь слѣпой обратится къ вамъ съ просьбою указать ему темную комнату.

Слѣпому несомнѣнно пріятнѣе и дешевле жить въ темной, чѣмъ въ свѣтлой комнатѣ.

Несомнѣнно ихъ да фотографовъ-любителей имѣли въ виду архитектора, на строившіе въ Петербургѣ такую массу темныхъ келий.

Фотографу также необходима темная комната для разныхъ тамъ фиксажей, виражей, промываній, подмываній.

Отъ темной комнаты вы перебегаете на другую сторону улицы,—тамъ блѣднѣетъ какой-то листочекъ.

— «Нужна мастерица-каркасица».

Вы сконфуженно машете рукой,—пропуделяте всегда совѣстно, и махаете на другую сторону.

— Сдаеця лавка.

— Сдаеця помѣщеніе.

— Сдаеця койка.

— Сдаеця, что ты дуракъ.

На послѣднюю надпись какого-нибудь остряка тоже можете нарваться.

Записки «остряковъ» въ родѣ «Сдаеця тумба», «Сдаеця собачья конура», «Сдаеця уголь конки», «Сдаеця квартира въ четыре комнаты съ кухней и

со всѣми удобствами. Вотъ уже 5 лѣтъ какъ она намъ сдается и мы довольны ею и не думаемъ изъ нея выѣзжать»—эти записки звать, бѣсая васъ, заставляя перебѣгать съ одной стороны на другую десятки разъ.

Отъ тренія о мостовую ваши подметки накаливается.

Но вотъ наконецъ вы видите записку, которая заставляеть радостно вздрогнуть ваше сердце.

Дѣлайте благонамѣреннѣе въ мирѣ лицо и входите во дворъ. Вотъ и дворничка.

Входите въ сѣни и кашляйте, чтобы обратить на себя внимание.

Не вздумайте по позвонить,—это привилегія околоточныхъ.

Еще разъ кашляйте. У порога появится гнусавая старуха:

— Вамъ кого?

Отвѣчайте какъ можно внятнѣе:

— Мнѣ бы... Господина Старшаго Дворника.

— Сейчасъ позову... А какъ объ васъ скажутъ?..

Отвѣчайте неприну дню, но безъ высокомерія:

— Насчетъ квартирки... я... у васъ тутъ сдается...

— А... ну такъ не велика птица... подождемъ. Онъ сейчасъ придетъ.

Не вздумайте обидѣться на старуху за слишкомъ фамильярный тонъ.

Выходите на чистый воздухъ и ждите пять, десять, двадцать минутъ. Не вздумайте выказать признака раздраженія.

Наконецъ появится «самъ»:

— Квартирку... Можно поглядѣть?..

— Отчего не поглядѣть... Въ мезонинѣ—квартира отъменная...

— Четыре комнаты?

— Четыре, кухня...

— И поребочекъ есть?

— И поребъ общій...

— И удобствачки?

— Общія тоже...

— А цѣна?

— 60 рублей...

Вы поднимаетесь въ мезонинъ. Восторгаетесь квартиркой. Желаете уплатить задатокъ и вдругъ слышите отъ дворника:

— Да она ужъ сдана.

Не вздумайте выйти изъ себя и крикнуть:

— Какъ сдана?!. Да на кой же чертъ ты мнѣ идіотъ, дурень, осель, и проч., показывалъ!..

Тотъ отвѣтитъ:

— Да вы сами просили. А за то, что вы изволите меня неподобными словами называть—на чашекъ пожалуйста...

И придется дать. Иначе вы рискуете очутиться въ участкѣ и потерять самые лучшие въ квартирномъ отношеніи комнаты.

Мило улыбитесь добродушной шуткѣ Дворника. Если это Младшій, попросите передать Старшему поклонъ и уходите чинно, благородно дальше.

Первое правило для квартиронаимателя—абсолютная вѣжливость съ дворниками.

Вашъ карманъ долженъ быть наполненъ кристаллами вѣжливости и двугривенными, готовыми каждый моментъ очутиться въ дворничкой рукѣ.

Помните, что въ квартирномъ вопросѣ господинъ старшій дворникъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ самъ хозяинъ.

Если встрѣтите синишку дворника, потреплите его ласково за щеку и скажите:

— У, бутузъ... весь въ папашу вышель... А я вотъ тебѣ товарищѣ хочу на дворъ поселить... У меня такіе же, какъ ты, бутузы,—вмѣстѣ въ лошади играть будете...

Вотъ увидите, Дворникъ размякнетъ и уступитъ рублей 5—10.

Если вы увидите Старшую Дворничиху, не дурно наемкнуть ей, что когда у васъ бываетъ постирушка, вы всегда приглашали на той квартирѣ супругу дворника и давали ей полтинникъ.

Какъ всѣ дворники любятъ прописывать, такъ всѣ дворничихи любятъ постирушки. Я увѣренъ, что онѣ и заробную жизнь представляютъ себѣ въ видѣ постирушки.

И такъ, первое основное правило охоты за квартирами—будьте почтительны съ дворниками.

Не прекословьте.

Старайтесь занять его двугривенными разговорами.

Старайтесь завлечь заманчивой перспективой, заинтересовать его, сказавъ напримѣръ такъ:

— У меня всегда пустая бутылочка отъ пива и вина идутъ въ пользу дворника.

Постарайтесь не работѣствовать. Иначе дворникъ подумаетъ объ васъ:

— Это что за баринъ—шантрапа фимическая, а не баринъ... Тыфу—фотомаза какая-то!..

И все дѣло будетъ проиграно.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

НА ГОДЪ 6 РУБ., НА 6 МѢСЯЦЕВЪ 3 РУБ. 50 КОП., НА 3 МѢСЯЦА 2 РУБ. НА 1 МѢСЯЦЪ 75 КОП.

ВЫШЕДШЕ ДО ЯНВАРЯ 1907 ГОДА 16 НОМЕРОВЪ ВЫСЫЛАЮТСЯ ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ ЗА 1 РУБЛЕМЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП. НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛЯ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦІИ: КОВЕНСКІЙ, 14.

НОМТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

ВЪСЪ ВЫШЕДШЕ НОМЕРА ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА.

- 1) «ПЛЕМЕТА» по 10 коп. (съ пересылкой 15 коп.).
- 2) «ЮРИСТИЧЕСКИХЪ РАССКАЗОВЪ» (изданіе второе) съ иллюстраціями и м. ГРАВОСНАГО.
- 3) «ЯПОНСКИЕ ВЕЧЕРА» и НЕГАТИВЫ ИЗЪ РУСИ.
- 4) «НЕГАТИВЫ» ИЗЪ РУССКАГО СЛОВА.
- 5) «НЕГАТИВЫ» ИЗЪ РУСИ.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ

ВЪ Г. МОСКВѢ ГАЗЕТУ ШЕБУЕВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ А. А. ЯРЦЕВА, САОРА, ТРИУМФАЛЬНАЯ, ВЛИЗЪ М. ДМИТРОВКИ, Д. ПЕРСИЦЪ, НВ. 58.

Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 Ч. КОВЕНСКІЙ, 14. ТЕЛЕФ. РЕДАКЦІИ 41-43. ТЕЛЕФ. ТИПОГРАФІИ 216-06.